

ПОСЕТИТЕЛА
ПОСЕТНИЦА
СМЕРТЬ

Книга I.
ТАЙНАЯ ГРАМОТА

Людмила Прошак

Людмила Прошак
И посетителя посетила смерть.
Книга I. Тайная грамота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905333

ISBN 9785448584213

Аннотация

Исторический детектив основан на реконструкции событий, произошедших в Великой Перми и прилегающих землях (северо-запад России, Москва, Киев, Прибалтика). Большинство героев – реальные исторические личности, в том числе и Стефан Пермский, гибель которого расследует главный герой с подачи Епифания Премудрого. Подсказка – в таинственных артефактах – в рисунках на посохе и в зашифрованных письменах...

Содержание

Люди и книги,	6
Предпутие	12
Хронотоп I. Быть в ризной казне	15
Часть I.	20
Глава I.	22
Глава II.	105
Конец ознакомительного фрагмента.	123

И посетителя посетила смерть Книга I. Тайная грамота

Людмила Прошак

*Юрию Алексеевичу
Спиридонову,
Человеку-Путеводителю*

***

*События, описанные в книге, являются
вымыслом, основанным на исторических фактах*

***

*Все упоминания имен, названий, обстоятельств,
документов не случайны*

***

*Посох Стефана Пермского хранится
в Государственном краеведческом музее в г.
Перми*

Иллюстратор Екатерина Селивёрстова

© Людмила Прошак, 2017

© Екатерина Селивёрстова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-8421-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемые читатели!

Ограниченный тираж книг для библиотек
напечатан благодаря поддержке
Валерия Петровича Маркова,
члена Комитета Совета Федерации
по науке, образованию и культуре.

Люди и книги, которым благодарен автор

Книга пишет человека, а не человек книгу.. В этом долгом путешествии «от пролога к эпилогу» автору исключительно везло на людей. Стал ли кто-нибудь из них прототипами? Кто есть кто в книге? А так ли это важно?

Если автор и видит в Стефановском времени любимого поэта, редактора, переводчика и лёгкого спутника даже в трудной дороге **Галину Васильевну Бутыреву**, то это потому что «мы все живём в хронотопе».

Архимандрит **Августин (Анисимов)**, епископ Городецкий и Велужский, игумен **Киприан (Яценко)**, иерей **Андрей Пасканный**, протоиерей **Владимир Цветков**... Священнослужители – упомянутые тут и не названные, но запомнившимся откровенным словом, неожиданным поступком, собственной судьбой – незримо присутствуют между строк этой книги (вы бы тоже не забыли, встретив однажды монаха, который бы вам сказал: «После тринадцати лет в детской реанимации пути два – в монастырь или на погост»).

Людям вообще свойственно быть друг другу путеводителями. **Библиотекари и музейные смотрители** – люди с исторической передовой. Их радушие и готовность не толь-

ко просветить, но и проникнуться заботой случайного посетителя (какое многозначное слово!) оставляет в душе глубокий след. Если бы не участие **Наталии Витальевны Вивденко**, главного хранителя Пермского краеведческого музея, то автору бы не удалось поработать с рисунками и надписями на посохе Стефана Пермского.

Возвращаться в однажды открытые для себя места – хорошая примета, да и история сама по себе – тоже возвращение. Вернуться – значит, почувствовать, понять, узнать что-то такое, что было не замечено в прошлый раз. Такими открытиями всегда заканчивается каждая встреча с **Виктором Михайловичем Напалковым**.

Если бы не **Екатерина Валентиновна Китаева**, то первая историческая прогулка по Великому Новгороду, может быть, и не легла так на сердце. В равной степени это относится и к **Татьяне Васильевне Латынцевой** и **Любови Николаевне Сыровацкой** из Великого Устюга, и к **Елене Евгеньевне Афанасьевой** из Сыктывкара (это благодаря её «дорожнику» мы добирались впервые на Удору). **Люция Ивановна Павлова**, **Геликс Иванович Юдин** и многие-многие их земляки, не упомянутые здесь, но врезавшиеся в память своим «штучным» характером, редактировали эту рукопись наравне с автором. Чтобы перечислить всех, пришлось бы издать отдельную книгу благодарностей, не менее толстую, чем та, что сейчас перед вами.

Автор признателен **Зинаиде Васильевне Сукмановой**,

мудрому историку и радушному другу, в чьём доме на Волге обдумывалась и писалась многие из глав.

Путешествие – лучшее, что может произойти с человеком, не считая рождения детей и внуков. Им, троим моим самым близким людям – **Ксении Турок, Аксентию Бескровному** и **Аксёну Бескровному** – автор благодарен за всё – за готовность разделить любой маршрут, за безоговорочную поддержку и за собственные головокружительные идеи. Родные мои, с вами не соскучишься, правда, и вам от меня достаётся!

И, конечно же, автору было бы одиноко без **Екатерины Селивёрстовой**, без её талантливой и бескорыстной участия. Умное внимание художника к средневековому изобразительству, вынуждало автора не однажды пересмотреть уже сложившуюся трактовку рисунков посоха.

Прежде чем перечислить книги, которые как старые добрые друзья подталкивали в спину, вынуждая идти дальше, автор не может не назвать человека, которому благодарен за науку читать между строк. Это моя учительница **Любовь Ульяновна Пославская**. А вот теперь о книгах...

А. А. Ухтомский (не только научные теории доминанты и хронотопа, но и духовное наследие из дневников и писем); **И. И. Лепёхин** («Дневные записки путешествия Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1771 г.»); **Н. М. Карамзин** («История государства Российского», особенно V том); **П. И. Савваитов** (зырянско-рус-

ский и русско-зырянский словарь, обобщивший «опыт собрания вещественных запасов Зырянского языка». – СПб, 1850); **В. И. Даль** («Толковый словарь живаго великорускаго языка». Если честно, не понимаю, как это мог сделать один человек!); **Г. С. Лыткин** («Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык». – СПб., 1889); **В. Г. Дружинин**, приготовивший к печати «Житие Стефана Пермского..», к изданию Археографической комиссией (СПб., 1897); **Ф. А. Арсеньев** (описание, составленное по поручению иноков «Ульяновскій монастырь у зырянъ». – М., 1889 (переиздавалось в 1995 г. в Сыктывкаре, предисловие д. и. н. **Л. П. Роцевской**); **И. И. Срезневский**, взявший на себя труд составить «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб., 1893); **Я. Б. Шницер** («Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ». – СПб., 1903); **В. С. Иконников** («Максим Грек и его время». – Киев, 1915); **М. Н. Сперанский** («Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма»); **А. С. Сидоров** («Коми-письменность эпохи раннего феодализма», «Знахарство, колдовство и порча у народа коми»); **В. И. Лыткин** («Древнепермский язык». – М., 1952); **Б. А. Романов** («Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI – XIII вв.»); **Ю. М. Лощиц** (биографическое повествование «Дмитрий Донской»); **Д. С. Лихачёв** («Текстология» – Ленинград, 1983, это второе издание, особо полюбившееся); **А. К. Югов** (перевод и пояс-

нение к переводу «Слова о полку Игореве», статьи, исследования, гипотезы); **В. Н. Сергеев** («Рублёв»); **Х. Ханке** («На семи морях. Моряк, смерть и дьявол. Хроника старины»); **Б. А. Рыбаков** («Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия)»); **Г. М. Прохоров**, редактор издания «Преподобного в священноиноках отца нашего Елифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом» – СПб., 1995); **А. В. Карташёв** («Очерки по истории русской церкви»); **Л. Н. Смоленцев** (и труды по переизданию книги Г. С. Лыткина, и его собственные исторические произведения и исследования); иеромонах **Харитон (Просторов)** («Православие для всех»); Историко-культурный атлас Республики Коми. Научный руководитель и составитель д. и. н. **Э.А. Савельева**); **Т. Д. Панова** («Некрополи Московского Кремля»); **М. И. Рижский** («Русская библия. История переводов библии в России»); иеромонах **Андрей (Эрастов)** («Грамматика церковно-славянского языка»); **И. В. Иванов** («Вера» – «Эском»), **П. Ф. Лимеров** («Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми»); **С. Я. Богомолов** («Краткий справочник по грамматике древнегреческого языка с примерами из Св. Писания»), а также безымянные составители сборника «Монашеская жизнь по изречениям о ней св. отцев подвижниковъ. Выпуск первый» (Кіев, 1885).

И, наконец, пару строк об экспедиции «Хронотоп». Про-

ект личный, семейный, хотя и не исключает присутствия на правом сидении «Дастера» кого-нибудь из близких по духу друзей-экспертов. Мы благодарны за незримое присутствие во всех наших поездках **Александр** **Ивановичу Мелехову** – фотохудожнику, исколесившему на «Оке» всю Россию. Путешественник путешественника всегда поймёт и поддержит: этим объясняется и дружеская поддержка **Петра Лихолитова** (вот что значит коллега по автожурналистике!), **Алексея Лялюлина**, **Сергея Слесаренко**, **Ивана Мурзенко**, когда всё только начиналось.

Предпутие

...Предрешиенное прежними событиями, но требующее созреваия и условий извне, чтобы сейчас открыться в действии и для всех выявиться, – вот хронотоп в бытии и доминанта в нас.

Алексей Ухтомский.

Не ищите на карте точку, которую мы непременно хотим достичь. Её там нет (по крайней мере в атласе современных дорог уж точно), хотя наш навигатор не сдаётся, без устали пересчитывая в пространстве маршрут, который на самом деле пролегает во времени...

Несутся из чёрной мглы прошлого навстречу «Дастеру» снежинки, вонзаются в настоящем белыми копиями в лобовое стекло, чтобы исчезнуть в будущем. Только что во всём этом такого уж незнаёмого и неизвестного, если мысли – «предупредители» будущего – выведены из опыта прошлого?

Между тем, Renault Duster, в просторечии ежедневно-го общения «Пестун»¹, – не последний... (чуть не написал: человек) участник предпринятой экспедиции. Ну что ж,

---

¹ Пестун пестует пестунчиков.. Пестун (устар., церк.) – быть нянькой, дядькой (Даль). Это если у людей, а если у медведей.. то суть та же. У нас пестун – «Дастер», потому что тот, кого надлежит пестовать, уютно устроился в детском креслице на заднем сидении.

в этом ничего странного, все водители делятся на две категории: первая (*cabby sapiens* – извозчик разумный) относится к своей машине как к средству передвижения, другая (*cabby spiritus* – надеюсь, вас не введёт в заблуждение созвучие с русским «стоградусным» словом) подозревает в машине наличие души.

Последнее – необходимое условие для того, чтобы достичь цели нашей экспедиции. Итак, эти строки пишет *cabby spiritus*. Когда мы переводим слово на древний язык (не обязательно чтобы это была латынь), оно обретает новый образ и, следовательно, дополнительный смысл.

Наша экспедиция называется «Хронотоп». На древнегреческом *χρόνος* – время, *τόπος* – место. Напишем это же, но кириллицей. Согласитесь, что если смотреть на начертание этих букв, то за ними видится всё же не то, что в *χρόνος τόπος*? А можно и совсем иначе...

Тогда смысл написанного будет сокрыт тайной, как и сам абур (его ещё называют анбур, но тут есть о чём спорить¹) – азбука, к которой мы прибегли, чтобы выразить единство времени и места по-древнепермски. Впрочем, даже если написать «хронотоп» на современном русском, что может быть потаённое «закономерной связи пространственно-временных координат»? Алексей Ухтомский размышлял об этом феномене вслед за Германом Минковским, объединившим физическое трехмерное пространство и время, и Альбертом Эйнштейном, заставившим мир ломать голову над теорией

относительности. А ещё раньше Епифаний Премудрый написал: *предпутие есть последи будущим*².

Так как же – движется наш «Пестун» по Великоустюжскому тракту или протекает через измерения, значимость которых определяется нашим интересом к ним? Если верно второе, то тогда и сам Duster, и его экипаж, и заснеженный лес, и утративший своё практическое применение абур, и его создатель Стефан Пермский, и далёкий по времени, но не по месту и не по духу, потомок, вернувший память о нём, – все это «*мировой линии человека от A1 до A2*». Те самые, про которые писал Алексей Ухтомский. Они связывают «*давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего*» в закономерном протекании хронотопа, ибо «*мы все наблюдатели данного, которое протекает, и мы сами протекаем; мы вечные странники бытия, пока живем...*»³

---

² См. Житие Сергия Радонежского. Памятники древней письменности, т. 58. СПб., 1885.

³ См. Ухтомский А. А. Доминанта. – СПб., 2002, с. 349—350.

Хронотоп I. Быть в ризной казне

1

Московское царство,

Москва, Кремль, Спас на Бору^{II},

в год 7057 месяца березня в 25-й день⁴,

перед утреней

Плоды «испытаний и обыска». Ночь сомнений: святой или еретик?

Узкая подземная галерея упиралась в лестницу, ведущую к скрытной от случайных глаз двери. Она поддалась легко и бесшумно – железные подставки заботливо смазаны. За сводчатым коридором скрывалась палата, стол в которой был завален свежими плодами «испытания и обыска» новых русских святых, отыскиваемых по поручению семнадцатилетнего царя Иоанна IV. В правом углу столешницы высились две стопки листов с наследием епископа Пермского Стефана. Первая была совсем тощей. «Исправлений не потребно», – писавший, похоже, даже расстроился: перо, чиркнув по бумаге, брызнуло чернилами. Вторая стопка возвы-

---

⁴ 25 апреля 1549 года от Рождества Христова (здесь и далее года – от сотворения мира, а названия месяцев – в соответствии с древними памятниками письменности).

шалась над первой. *«Различия велики, многочисленны и разнообразны»*, – значилось в приколотой записке.

Тяжело опустившись на широкую лавку, митрополит Макарий протянул руку, чтобы взять из второй стопки лежавший сверху лист – тщетно. Пришлось снова вставать, испытывая муки не только из-за больных ног (ступни горели как на углях), но и из-за сомнений.

На Соборе, состоявшемся два года назад, уже был канонизирован сонм русских святых и утверждены праздники в их честь. Ни в одном из имен Макарий не сомневался, все они были из его библиотеки-уникума, которую сам составил, будучи ещё новгородским владыкой. Но молодому царю мало, и спешные розыски продолжились. Это походило на ледоход на Волхове.

Макарий положил руку на стопку сомнительных страниц. Истончённые от ветхости по краям, они были покрыты бисером полуустава. На немногих, хоть и с трудом, но всё же разбиралась ижица. На остальных – буквы, маня своей схожестью то с греческим алфавитом, то с русской азбукой, ни тем, ни другим не являлись. Списки пестрели закладками и пометками. На одни восьмушки толмачи выписали слова, которые сумели понять и сверить с Библией, на другие – требовавшие дальнейших «изысканий». «Переводу» и «сверке» поддалось немного.

*Ури – мир, согласие*⁵. В пермском языке это слово не из-

---

⁵ См. Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский

вестно. Вэр – используется для обозначения слова раб, которое в оном языке также не ведомо. Созвучные слова: вэрös – муж, мужчина, вэр ч'эри – самец рыбы

Выходит, язычники, которых крестил Стефан, не знали, что такое «раб» и не нуждались в слове «мир»? Митрополит, нахмурившись, взял очередной листок.

Вэжа – святой, вэжас'ас – пусть освятится, вэжа во – освящённая вода. Созвучные слова: вэж – светлый, туй-вэж – перекрёсток. Вич'ко – церковь. Созвучные слова: вис – жертва, ко – если

И что же, святой – тот, кто выбрал светлый путь из числа других? А храм – дом для жертвоприношений?! Господи, да не ересь ли всё это?! Забыв о больных ногах, Макарий вскочил. Боль вернула ему присутствие духа. Митрополит протянул руку за следующим листком.

Мэз-ös – Господь, Спаситель. Созвучное слово: мэзды – освободи. Йэн могыс» – ради бога. Созвучные слова: йэн-ма-муа костын – между небом и землей, йэн волт – небесная крыша

Что же это получается?! Господь – и освободитель, и небесная крыша... Чему Стефан учил своих язычников?!

Царь Иоанн IV неустанно твердит: «Греки для нас не Евангелие», не у них следует искать истину, а у охранителей древнего благочестия. Но Евангелие ли для нас пермские письмены? И для чего только понадобилось переводить Свя-

тое писание, для которого и слов, как видно, не находилось?

Митрополит посмотрел на чёрный переплет лежавшей особняком книги. В ней помимо Евангелия, составленного из четырёх книг Нового завета, было подшито в конце ещё и «Слово о житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого. Отдавали ли житие на доработку Пахомию Логофету, троекратно перерабатывавшему и дополнявшему чудесами другой труд Епифания – Житие Сергия Радонежского, или оставили без внимания?

Не находя ответа, Макарий направился, прихватив с собой дикирий, к внутрискладной лестнице, ведущей на хоры собора. Огонь двусвечника выхватывал из тьмы строгую простоту каменных стен и печально склонённые головы на фресках.

У Спаса на Бору было особое предназначение. В левом и правом его приделах покоились те, кто не властвовал в соответствии со своим великокняжеским предназначением, а вёл жизнь в смирении монашества. Младший сын Дмитрия Донского Иоанн, от рождения бывший не от мира сего, лежал подле своей бабки. Здесь же были усыпальницы жён Симеона Гордого – первых двух, отвергнутых им ещё тогда, когда он был в силе, и третьей, пережившей его почти на полвека. Несмотря на то, что над всеми гробницами у выносных образов горит неугасимая свеча, усопшие давно преданы забвению. Все, кроме одного. К нему и направлялся сейчас митрополит Макарий.

Стефан Пермский покоился не в великокняжеском некрополе, а в самом храме. Это хоть отчасти объясняло, почему северного епископа похоронили в Спасе на Бору. Рака, устроенная на полу над местом его погребения, представляла собой простой деревянный ящик, на узорчатой крышке которого было изображение епископа во весь рост, в ризе, покрытой серебром, словно инеем.

«Посоха не хватает, надо бы затребовать из епископии»^{III}, – мимолётно отметил Макарий, тяжело опершись о рукоять митрополичьего жезла. Сам не заметил, как молитва уступила место размышлениям о свершившемся объединении вокруг Москвы не только ближних, но и дальних земель. Пермь Великая в их числе. В том заслуга Стефана..

Решение пришло вместе с усилившейся болью в уставших ногах. Митрополит, морщась, вернулся в тайную палату, обмакнул перо в чернильницу и внёс имя Пермского епископа в список канонизируемых, а затем, не мешкая, вывел поверх первого подвернувшегося под руку листа из Стефановского наследия размашистую надпись, многократно повторенную позже усердным дьяком:

*Тем книгам и рукописям быть в ризной казне,
а без указу смотреть давать не велено никому*

Часть I.
Беглецы из пустыни

Глава I.

Рождественский пост

1

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь
в год 6917 месяца студенья в 1-й день⁶,
третий час

Топор в петле. Тот, которого ищут

Настоятель, статный старец, отмахнулся от послушника, пытавшегося накинуть на его плечи подбитую волчьим мехом мантию. Выскочил на лютый мороз в чем был – в домашнем подряснике. Как молоденький, побежал по тропке, ниткой пролётшей среди глубоких сугробов, навстречу гостю. Но тот, несмотря на тучность, уже и сам соскочил с саней, поспешая навстречу.

Антоний, вместо того чтобы осенить приезжего крестным знаменем, прижал к широкой груди:

– Ну вот, Епифаний, и свиделись!

Трудник, затворяя покрытые пушистой изморозью ворота, удивился такой прыти – не то что вчера. Тогда тоже посту-

---

⁶ 1 декабря 1409 года от Рождества Христова.

чались. Выглянул в рубленое оконце: три всадника в коротких кожах скрывали лица за поднятыми воротниками. Поторопился сообщить настоятелю. Тот вышел вместе с трудником к воротам, кивнул – Кирилл отворил.

– Книжников среди гостей нет? – спрыгнув с лошади, спросил старший.

Полы кожуха разошлись: на верёвочном поясе в петле покачивался топор.

– Так откуда ж мне знать, кто есть кто, – Антоний опустил руку, которую поднял было для благословения, о котором его никто не попросил.

– Того, которого ищем, ты бы отличил от других, он с собранием книжным путешествует, Епифанием его зовут.

– Я бы и сам хотел его видеть, – усмехнулся настоятель. – Но увы...

– Так мы заночуем?

Разве ж откажешь? Оршин монастырь не был ни знаменитым, ни богатым, но, как и прочие обители, укрывал в своих непрочных деревянных стенах моливших о помощи. Пример показал сам тверской князь. Несмотря на то, что Москва вынудила Михаила Александровича отказаться от претензий на великое княжение, он уклонялся от помощи Едигею, просившему для штурма стенобитные орудия, которыми славилась Тверь. Как уж тут не отворить ворота для страждущих... Только поутру послали в келью, а из трёх остался один, младший. На расспросы плечами пожимает: не знаю,

мол, с устатку спал очень крепко, не гоните, они же и коня увели. Говорит, а у самого глаза бегают...

И вот, как только улеглась метель, – новый гость. Наверняка тот самый, о котором вчера допытывались исчезнувшие пришельцы. Трудник стал задвигать засов, стараясь напрасно не шуметь – прислушивался к разговору.

– Отче, мне бы куда-нибудь в пустыньку вместе с моими спутниками, – Епифаний кивнул на поклажу, заботливо укутанную в тулуп.

– А я думал, хотя бы нынче ты один...

Антонию чудилось, что он вновь оказался ввергнут в события шестнадцатилетней давности, когда на Москву совершил набег предшественник Едигея Тохтамыш. Тогда многие вынужденно бежали в Тверь, увидев, как спешно двинулся за Волгу, в Кострому, великий князь Дмитрий Иванович. И сейчас история повторилась. Надежды на то, что Едигей идёт не на Русь, а на земли Литовского князя Витовта, улетучились вместе с последней осенней листвой. Первого декабря, эмир, не сумев взять Москву приступом, решил поставить её на колени голодом, вознамерившись зимовать в Коломенском. Догорали головешки в Верее, Городце, Дмитрове, Клине, Нижнем Новгороде.. По примеру своего покойного отца скрылся за Волгу Василий Дмитриевич, а прочие, не стыдясь, бежали проторенной дорогой в Тверь.

*Исповедальная записка игумена Антония,
настоятеля Оришина монастыря,
о событиях в год 6890 с месяца жнивня 30 дня
по месяц листопад 16 дня⁷*

Смотрите пристальнее на звёзды, которые Владыка премудростию сотворил⁸. Они не только указывают путь, но и готовят наши души к стойкому восприятию сокрушительных перемен, обновляющих нас. Недостойный, я вышел на крыльцо и поёжился: студёное утро торопило приближение осени, редкие зарницы скупо подсвечивали восток. Вдруг одна из звёзд сорвалась и алым копьем понеслась вниз. Не то чтобы я удивился знаменью: хвостатых звёзд накануне нашествия на Русь Тохтамыша видывали мы немало. Просто понял, что этот предвестник – мой, потому мёрз одиноко на крыльце и ждал...

Ещё не успела наступить утренняя заря, а в ворота забарабанили. Опередив вратаря, я сорвал засов. И что же? Тверской владыка Евфимий, которого я до этого самого дня видел лишь издали во время празднеств, отпрянул назад: «Караулил, что ли?» Не зная что ответить, я молча поклонился. Евфимий вместо того, чтоб пройти, посторонился, и во двор въехал всадник в белом митрополичьем клобуке. Его сопровождали два конных инока и уверенно державшийся в седле отрок, одетый по-княжески в шапочку с собольей

---

⁷ 1382 г. от Р. Х., с 30 августа по 16 октября.

⁸ Ср. Псалтирь, 103:24.

опушкой.

«Сколько мы должны тебе заплатить за постой?» – спросил мальчик, запуская руку в висевший на поясе кошелек. «Ты не на постоялом дворе, отрок, а в обители. У нас все гости от Бога», – ответил я, удивляясь резкости своего тона. «Это хорошо, – не обиделся мальчуган, – купленные друзья ненадёжны». Почувствовав себя рядом с ним бесполочью, я растерянно оглянулся и понял, что владыка Евфимий испытывает то же самое. „ В годину невзгод дети взрослеют рано», – подал голос обладатель белого клубука. Два соскочивших с коней черноризца поспешили к нему: «Осторожно, отец Киприан». Киприан?! Итак, день ещё не наступил, а у меня уже в гостях митрополит, то и дело попадавший в опалу московского князя, а с ним тверской епископ, до сего дня не имевший времени посетить нашу обитель, и отрок, ищущий непроданных друзей...

Но тут я понял, что поторопился подытоживать список незваных гостей. В монастырский двор въехал крытый возок, запряженный парой рысаков. Из-под опущенного полога показалась узкая женская рука. Я не отношу себя к тем бедолагам, которые, стоит им завидеть женщину, забывают о своём сани. И всё же – Господи, каюсь! – в тот миг запомнил обо всём, глядя на продолговатые тёмно-карие глаза и печально сомкнутые губы. Чувствуя, что вот-вот оторвусь от земли, я опустил голову – взгляд упал на длинные пальцы, сжимающие свёрнутую трубочкой гра-

моту.

«Великая княгиня Евдокия с детьми путешествует к своему мужу великому князю Димитрию за Волгу и нуждается в кратковременном отдыхе, – вывел меня из забвения голос епископа. – Позаботься, Антоний, о них». В голосе владыки легко читалось нетерпение. Евфимию, по всей видимости, хотелось как можно быстрее передать гостей с рук на руки и вернуться незамеченным в Тверь. Его можно было понять. После смерти Алексия митрополитов на Руси объявилось больше чем певчих на клиросе, а никому из них этого ведь не скажешь, да и предугадать, кого завтра возвысит, а кого прогонит московский князь невозможно. Один из них, Пимен, сидит в заточении где-то под Тверью. А теперь ещё один по своей воле в наши края прибыл. Вот владыка и решил в убежище ему не отказать, но с глаз долой спрятать. Только почему вместе с Киприаном княгиня с маленькими ребятами?

Будильник ударил в било. Иноки с веками, припухшими от сна как у некстати разбуженных детей, потянулись на службу, но, заведя во дворе архипастырей, в нерешительности остановились. «Как быть? Попросить благословения или лучше не беспокоить?» – читалось в вопрошающих глазах, устремлённых на меня, их настоятеля. «Ступайте, отцы, мы присоединимся к вашей молитве», – степенно благословил братию Киприан. Иноки заторопились в храм. Евфимий, потянув лицом, попятился к воротам. Киприан и его

малочисленная свита (всего лишь два черноризца!) с одинаковой улыбкой ироничного всепрощения проводили его взглядом. Я натянул скуфейку как можно глубже: от волнения у меня пылали уши.

Киприана я поселил в «задней» келье, которую братия тут же прозвала «митрополитской». Для великой княгини Евдокии с детишками я освободил свою келью, которая хоть и не отличалась особыми удобствами, зато в преимуществах имела просторные сени и отдельный ход. А сам поселился с двумя приезжими монахами – Афанасием и Епифанием – в пустовавшей труднишной (наш единственный трудник ночевал в привратницкой).

Тут меня отыскал наш келарь. Скрестив большие руки на тощем животе, он взирал на меня в немом ужасе: «Чем гостей потчевать будем, отче? У нас же ничегошеньки нет! И коза совсем страх потеряла, молока даёт на три глотка. И курицы нестись бросили, только под ногами зря путаются...» – «Совсем ничего нет?» – «Ну разве что только прошлогодняя капуста, – сделал страшные глаза келарь, – кочанов семь». – «Вот их и готовь. А кур этих с глаз подальше убери, тут обитель, а не птичник». Келарь выскочил, едва не вынеся на костистых плечах дверь. Спустя пару минут во дворе раздалось переполошенное кудахтанье, но вскоре и оно стихло.

На литургии, которую служил Киприан, присутствовала великая княгиня Евдокия с детьми. Младшенького она дер-

жсала на руках, а старший, Василий – тот самый, что испытывал меня на продажность, – стоял особняком, среди мужчин, словно исподволь приучая себя, маленького, к большому, взрослому одиночеству. Он и в трапезной сел поодаль от семьи, по левую руку от Киприана (или это Киприан был у него по правую руку?).

«Мама, ну давай будем есть курицу», – с ложкой наизготове торопил один из княжичей, указывая на глиняный горшок. «Откуда ты знаешь, Петруша, что это курица?» – «Я видел как монахи ловили кур!» – оглушительным шёпотом сообщил малыш.

Киприан, обведя внимательным взглядом стол и убедившись, что и перед братией стоят точно такие же горшки, повернулся ко мне: «Это курица?» – «Да, владыко, только это... монастырская курица», – уточнил я, ощущая себя тем самым горшком, который вот-вот отправят в печь. «Ну-ну», – преувеличенно добрым голосом сказал митрополит и взялся за ложку. «Вкусно! – Петруша облизнул пальчики. – Я такой курицы еще никогда не ел!» – «Я тоже! – сказал митрополит, попробовав: – Что это?» Я посмотрел на келаря: тот от ужаса надул впалые щеки. «Это... курица... Ой, нет! – замахал он ладонями-лопатами. – Это... вла-вла.. дыка... капуста это!» – «Не может быть!» – «Может! Мы её крошим, в горшок укладываем, а сверху – молочком и яйцами поливаем, да и в печь, чтоб подрумянилась». – «Ты ж говорил, яиц нет?» – брякнул я. «Так, отче, мы ко-

гда ловить кур стали, иные из них со страху нестись начали прямо на бегу. Два яйца разбились, но остальные мы успели поймать...» – «А я уж грешным делом осерчал, – захохотал Киприан. – Думаю, в Царьграде на одних оливках монаху можно прожить годы без урона для здоровья, а тут... курица! Что за излишество!»

Бывший посол византийского патриарха, нынешний митрополит Киевский, Русский и Литовский (будет ли когда-нибудь у православных митрополит всея Руси?) и впрямь умел довольствоваться малым. Без чего он не умел обходиться, – так это без перьев, чернил и пергамена, которого требовалось с каждым днём всё больше и это стало моей заботой.

Но прежде навалились хлопоты иные. После трапезы великая княгиня Евдокия известила о том, что намерена злоупотребить гостеприимством лишь до утра. У меня было такое чувство, словно с неба сорвалась ещё одна хвостатая комета и ударила меня своим копьем («Так быстро!»). Но разве мог я возразить? Зато не молчал митрополит: «Уже успела забыть, как мы к поганым в лапы едва не угодили? Хочешь полонянкой стать – твоё дело, но княжичи – о них ты подумала? Если Тохтамыш к Москве пришёл, чтобы выдачи великого князя требовать, думаешь, семя его пощадит?» Не дожидаясь ответа, митрополит сокрушённо повернулся ко мне: «Мы насилу ноги из Москвы унесли. Стоило князю Кремль оставить, как замятня началась: одни обозы со скарбом грузили, другие их грабили; од-

ни из города выбирались, другие в них камнями со стен кидались; а когда уж кремлевские погреба разграбили, то все как обезумели. Тогда-то я и умолил великую княгиню Кремль покинуть». Конечно же, Киприан пустился в повествование не из-за устремления обрести во мне свежего слушателя, а из-за желания повлиять таким не нарочитым образом на великую княгиню. Она и впрямь чутко прислушивалась к рассказу, и всё же когда заговорила, в её словах было больше отклика на свои собственные мысли, чем на откровения митрополита: «Мы бежали из Кремля через Фроловские ворота – те самые, через которые Димитрий уходил на битву на Куличках и возле которых мы с детьми встречали его с победой. А то что люд сейчас поднялся... Вправе ли мы его, оставленного государем и митрополитом, винить?» Киприан вскинулся как от пощечины: «Когда я оказался в Царьграде, охваченном великой смутой и насилием – на море господствовали латиняне, а сушей завладели богопротивные турки, я не покинул в ужасе царицу городов^{IV}. А нынче картина иная. Ты уж прости мне, великая княгиня, дерзновенную откровенность, напомнить тебе хочу: великий князь, отъезжая, семью свою поручил моим заботам – тебя с детьми малыми. А как сберечь, если не знаешь, кого остерегаться больше – хмельных простолюдинов, вероломных бояр или беспощадных ордынцев?» – «Меня, отче, беречь не надо, я сама себе и своим детям защитница. А если на кого из заступников и уповаю, так только лишь на неё, на Пресвятую

Богородицу», – вспыхнула великая княгиня. Киприан, стиснув посох так, что побелели костяшки пальцев, опустил голову.

Помолчав, все разошлись: великая княгиня затворилась с детьми в келье; Киприан удалился в храм, взглядом остановив нас, вздумавших сопровождать его; Афанасий и Епифаний, вздохнув, тоже куда-то побрели, каждый в свою сторону. Остался я в одиночестве, мучаясь невозможной мыслью: должно быть, не одна Москва в осаде, прочие города и земли уже пленены, а как же великая княгиня с детьми малыми в дальнюю дорогу пустится? Ведь не отступит, не остынет от своего бессильного женского гнева, а и вправду соберется с утра – и поминай как звали, а две дюжины мужиков, путаясь в рясах и бородах, станут крестить её вслед.

«Свалились мы на твою голову, да?» Я и не заметил, когда один из иноков вернулся. Это был Епифаний. Серые глаза смотрели с усталым пониманием. Не ответив, я молча кивнул. «Об Евдокии думаешь?» Я снова кивнул. «Я и сам про нее думаю, – просто сказал Епифаний и предложил: – Пошли под яблоньку сядем, я со Спаса ещё ни одного яблока не съел, а они у вас краснобокие такие».

Мы не сразу нашли, где сесть: в траве то там, то сям алели паданки. Епифаний подобрал одну и, потирая в ладонях, вдохнул тонкий аромат: «Вкусно!» Он самозабвенно захрустел яблоком, спелое семечко застряло в завитке

бороды: «Не много испытала Евдокия радостей в супружестве за Дмитрием. Едва свадьбу сыграли, великий пожар случился, затем – моровая язва, потом – одно за другим нашествия на Москву: то литовский Ольгерд, то рязанский Олег, то тверской Михаил, теперь вот Тохтамыш. А она все у Фроловских ворот – встречает, провожает... Не удержат её митрополиту в Твери, она к мужу в Кострому поедет, потому что он, конечно, великий князь, да только она его становой хребет. Без неё ему в Москву не вернуться. Не смотри, что она маленькая и тихая, в ней решимости и веры больше, чем в любом из нас». – «Да я уж это понял. Но, если она от нас одна-одинешенька с детьми уедет, кто мы после этого будем?»».

Епифаний молча принялся за второе яблоко. «А княгиня сама ведь суздальская? – спросил я, смутно припоминая. – Может, братья родные помогут, хотя бы с войском к мужу сопроводят?» Епифаний улыбнулся мне как несмышленому дитяти: «У власти родни нет. Власть лишь саму себя знает и любит. Мы когда из Москвы выбирались, знаешь, кто рядом с ордынскими вельможами под стенами белокаменной стоял? – Епифаний забыл про яблоко, и оно, выскользнув из рук, с глухим стуком скатилось в траву. – Суздальские князья Василий и Семен хороши оба. Тохтамыш за их родной сестрой с племянниками малыми погоню снаряжал, а братья в это время её подданных уговаривали: мол, царь татарский не на вас войной пришел, а на князя Димит-

рия, потому не бойтесь ничего, ворота открывайте. Думаешь, Васятко с Сенькой сами по себе туда пришли? Нет, их отец туда прислал состязаться в предательстве с рязанским князем Олегом, тот ведь, татарам угрожая, все броды на Оке показал. Вот и суздальский князь Димитрий решил от него не отстать: ярлык на великое княжение дороже жизни дочери и внуков. Так что Евдокия совершенно справедливо лишь на заступничество Пресвятой Богородицы уповает». – «А как же вы от погони ушли?» – «Испортом, как ещё! Митрополит с меньшими княжичами в возок сел, будто бы он, грек, над сиротками сжалился, по пути подобрал (к нему как тохтамышев дозор подъехал, он с греческого языка ни разу на русский не перешёл). Я со старшим княжичем верхом ушёл, посадив его в седло позади себя. Афанасий с княгиней особняком поскакали, она ведь в седле сидит с мужской сноровкой. А взяли б с собой дружинников, боя не миновать... Ордынцы хоть и ушлые, а все же княгиню с детками искали, но никак не грека с сиротками, не иеромонаха с послушником, не игумена с дьячком. Только как дальше быть... Митрополиту не с руки в Кострому ехать к князю. Ведь тот когда Киприану семью препоручал, сам собирался лишь до Переславля доехать, да видно не удалось там войско собрать, вон аж в какую даль забрался. Значит, будет под горячую руку виноватых искать».

Не знаю почему, но в моей голове мельтешили обрывки двух фраз: «взяли б с собой дружинников, боя не миновать»

и «Евдокия на заступничество Пресвятой Богородицы уповаает» – будто разноцветные осколки, которые должны сложить в единый узор...

«Неподалеку от нашей обители женский скит есть, будь я князем, туда бы войско собирать поехал. Там такие матушки, что им и оружия не надобно. За себя и правду голыми руками постоят, но из них и лучницы знатные, и мечницы отменные». – «Это где ж они так научились?» Вопрос Епифания заставил меня вздрогнуть. Я и не заметил, как начал размышлять вслух. «У печальниц этих у всех судьбы схожие. Они, прежде чем принять постриг, пережили нашествия и моры, схоронили мужей и детей, только верой да памятью и живы, а это, сам знаешь, какая сила». – «А пойдём, брат, к митрополиту», – под его сапогом с хрустом брызнуло наливное яблоко.

Киприан, выслушав, просветлел лицом: «Сколько до скита?» – «Четыре дня пешего пути». Митрополит сник. «Или два дня конного пути», – уточнил Епифаний. – «День и ночь, если свежего коня с собой взять», – подобрался я. – «День туда, два назад, – подытожил Киприан и поморщился, – не удержим великую княгиню». – «А где это, близ какого тракта?» – спросил Епифаний. – «В излучине Волги, – пожал я плечами, но тут непослушные разноцветные осколки вдруг сложились в цельный узор, и я вскричал: – Так ведь это по пути в Кострому!».

Стоит ли рассказывать, как я хлестал коня и шептал

ему на ухо, прося поторопиться, как молил взять на себя охрану Евдокии и её детей... Я утешивал матушек долго, но всё без толку, пока у меня от отчаяния не вырвалось: «Видно, правильно про нас миряне говорят, что сердца наши открыты лишь для молитвы. Не понять инокине тревоги женщины, рвущейся на части между долгом жены перед мужем, матери перед детьми!» Сказал и увидел, как замкнулись их лица. Что я наделал! Но, готовый быть изгнанным, вместо этого услышал: «Не приведи Господь испытать ей то, что выпало на долю каждой из нас. Вы двое и вы двое, собирайтесь в дорогу». «А не мало ли?» – усомнился я. – «Две по две, – странно усмехнулась настоятельница, – вполне достаточно. Как могут устоять перед двоими десятки одиночек, отягощённых железом?»

В изумлении я наблюдал, как инокини достали с полки колчаны и сосредоточенно вложили в их гнезда острые сулицы, которые были такими тонкими, что их умещалось не менее семи в каждом из колчанов. Всё очень сильно походило на военные сборы. Инокини, закрепив одна другой на поясе колчаны, отправились седлать лошадей...

И вот теперь я сидел на опушке, откуда был виден лесной тракт. Два моих коня копотливо щипали траву, а я ждал, карауля каждый предрассветный звук. Вот сонно ухнул филин. Вот воскликнул, пробудившись, жаворонок. Его поддержал соловей. Чу! Топот копыт!.. Спустя мгновение увидел мчавшихся во весь опор двух всадниц. Развевались хвосты

и гривы лошадей, простирались по ветру чёрные мантии. Инокینی скрылись в лесной чаще. Едва ли не сразу же донёсся скрип колес, а вскоре и показался знакомый возок, запряженный парой гнедых: великая княгиня не замедлила выступить в дорогу. Я думал, что инокینی вернутся, поравняются с возком, великая княгиня ринется им навстречу с самоотверженностью птахи, уводящей хищников от своего гнезда, а они объяснят, что будут охранять её.

Я вскочил, жадно глядявываясь в перепутье, на котором вот-вот произойдет замышленная встреча. Возможно, я даже успею подойти и проститься? Я стоял, сбивчиво молясь то о благоприятном путешествии рабы Божией Евдокии с чадами, то о спасении собственной души, ввергнутой в пучину страстей доселе мною неведомых.

Но где же инокینی? Почему не подождали княгиню, а ускакали вперед? И где еще две, ведь в путь собирались четверо? Неужели сбились с дороги? Разминулись? Опоздали? Скрип колес растаял в утренней полусонной тиши... И только тогда я услышал топот, а спустя мгновение увидел ещё двух инокинь. Все четверо оберегали великую княгиню с чадами, но тайнообразно..

Я сел, где стоял. Евдокия больше не нуждалась в моей помощи. Можно было возвращаться. Бросив поводья, я безучастно держался в седле, а мой внутренний хронограф отсчитывал: вот миновали Ростов, вот оставили позади Ярославль, вот переправились через Волгу...

На третий день я вернулся в обитель. Киприан выслушал мой путевой отчет, дотошно уточнив, какой дорогой провоздили великую княгиню инокини. «Поехали не прямыми, а околицами, опасаясь и таясь». Митрополит, успокоенный, ушел, а Епифаний спросил: «Больно?» Я кивнул прежде, чем до меня дошёл смысл вопроса. «Ты о чём это?» – решил я запоздало разыграть неведение. «Да ладно тебе, – махнул он рукой, – душа любящего в теле любимого человека». Я вскочил, чтобы уйти, ещё не зная, что через минуту вынужден буду оставить все свои личные коллизии.

«Понимаешь, – кашлянул в кулак Епифаний, – владыка Евфимий не в ладу с вашим князем Михаилом Александровичем. А вот Киприан с ним в давней дружбе, да только показывать это сейчас не с руки, потому что ваш князь – лютой враг московского князя. И без того уж выходит, что Киприан не куда-нибудь сбежал, а в Тверь, непримиримую обидчицу Москвы». – «Ну а я-то что?» – «Ты тутошний, многих знаешь, – снова кашлянул Епифаний. – Как встречу устроить? Ты мне хоть намекни, на какого нужного человека выйти, чтобы тот, не болтая, довёл до сведения вашего князя, что митрополит его видеть хочет. Выручил раз, выручи, брат, и другой...»

Монастырские стены имеют глаза и уши. Кто не знает, как Михаил Александрович, приглашённый в Москву якобы с любовью, был посажен в заточение; как ходил он потом вместе с Ольгердом и силой смоленской на Димитрия;

как спасался бегством в Литве пока московский князь разорял в отлучение тверские земли; как лишенный помощи литвинов хлопотал в Орде за свое великокняжеское достоинство...

И вот теперь, когда под стенами московского кремля стоит Тохтамыш, у меня в обители сидит Киприан, митрополит не столько московский, сколько литовский, в ожидании встречи с тверским князем? О чем они будут здесь договариваться? О новой литовщине?! О выступлении тверского войска в поддержку ордынцам?! Я решительным образом не хотел иметь к этому сговору ни малейшего отношения!

Епифаний не спускал с меня глаз. Печальная улыбка слабой тенью промелькнула на его лице. «Ты не знаешь...» – «Не знаю, – кивнул я, не дослушав, – ни князя, ни владыки! Если б не ваше появление, я бы Евфимия здесь вряд ли вообще когда-либо увидел. Мой монастырь беден и мал, ни один из них своим вниманием нас не чтит. И это хорошо. Чем ближе к власти, тем дальше от Бога». – «Нет, – ещё печальнее улыбнулся Епифаний, – ты Киприана не знаешь. Впервые человека увидел и уже судишь. Не по сану нам с тобой такая скоропалительность». – «Ах ну да, – в запальчивости я уже не мог остановиться, – он ведь архипастырь, а я ему послушник!» – «Твой архипастырь Евфимий, – раздался за моей спиной голос Киприана, тон его был спокоен и ровен, но всё же заставил меня потупиться. – Он тебе повелел приютить нас, ничего больше ты делать не должен».

Митрополит укоризненно посмотрел на Епифания: «Оставь Антония в покое! К тому же, может владыка и сам князю скажет, что мы тут». – «Не скажет, отче. У них распри, годами друг с другом не разговаривают». – «Значит, давай Афанасия пошлём». – «Он же никого не знает». – «Тогда будем гонца от московского князя дожидаться. Уж княгиня ему скажет, где нас оставила». – «Воля ваша, – вздохнул Епифаний, – только у нас нет ни куна, да и пергамен на исходе». – «Ну с этим-то мы как-нибудь поможем, – вмешался я, слыша будто со стороны свой виноватый голос».

Я отдал Епифанию почти весь свой запас чернил, бумаги и пергамена, оставив себе лишь самое малое: грешен, страдаю склонностью поверять свои мысли перу, но ещё пище люблю утолять жажду из рек чуждой премудрости.

Киприан и Епифаний трудились слаженно и много. Не знаю, имели ли они прежде совместный опыт, но чрезвычайно походили на людей, которым уже не приходится задумываться над тем, как наладить общую работу. Задавая направленность общежитийным делам в обители, я заставлял их то на берегу Ориши, то в яблоневом саду. Лишь неторопливый сентябрьский дождик вынуждал иногда прятаться под навес на дровах, которые мы заготавливали на зиму. Где бы наши странные гости не попались мне на глаза, картина была одной и той же: Епифаний поспешно писал, а Киприан, расхаживая, диктовал. Изредка

Епифаний останавливался, чтобы задать вопрос. Сначала я подумал, что он не успевает записывать, но позже понял: Епифаний спрашивал, чтобы прояснить суть.

«Отче, прервемся не надолго и перечтём сказанное?» Митрополит сосредоточенно кивал, весь обратившись в слух. «Итак, – Епифаний взял в руки исписанную страницу, – Митяй занял место нареченного митрополита, во-первых, благодаря ложному истолкованию завещания Алексея, будто тот назначил его своим преемником. Верно?» Киприан кивнул, соглашаясь. Епифаний продолжил: «Во-вторых, Митяй до возведения в сан облекся в мантию и присвоил себе знаки митрополичьего достоинства благодаря прямо-му вмешательству князя в дела церкви, согласно уставу которой епископы должны избираться епископским собором, а не гражданской властью. Правильно?» – «Да, но мы упустили из виду третье, особенно важное, обвинение: подкупом и симонией вершилось это незаконное поставление. Эти люди надеялись на деньги и генуэзцев^V!» – гневно воскликнул митрополит. Епифаний не ответил, он уже снова взялся за перо... А я невольно перенесся в события трехлетней давности, которым стал случайным свидетелем.

...Колокола не стихали. В такт им цокали конские копыта. Лишь передняя шестерка рысаков нет-нет, да и сбивалась с ритма. Они натужно тащили царские сани по рассыпчатой соли, как по белому снегу. Редкие иноземные посылы удостаивались такой милости от московского князя.

В санях сидел сам Дмитрий Иванович, а по левую руку от него восседал дородный, румяный поп в белом клобуке и митрополичьей мантии, изукрашенной параманом^{VI}, который ковром лежал на его могучем торсе. В толпе волной нахлынул шёпот: «Митяй!..» Следом за санями в богато изукрашенных возках мерно колыхались старейшие бояре. За ними важно выступали епископы, я признал среди них лишь одного – коломенского владыку Герасима. Потом ехали архимандриты, протопопы, игумены... За сановным поездом тянулись гуськом всадники – митрополитские бояре. И, наконец, в окружении целого полка отроков и слуг, везли на телегах казну и ризницу. Сотни колес громыхали по мостовой, заглушая звон колоколов...

Я так явственно всё это слышал, что Елифаню пришлось окликнуть меня трижды, прежде чем я его услышал: «Отче, ты с нами иль далече?» Я стряхнул с себя остатки воспоминания и потерянно улыбнулся: «Простите, отцы. Шёл по делу, но заслушался нечаянно. – И понимая, как это выглядит со стороны, заторопился с оправданьем: – Подслушивать, право слово, не хотел». Киприан пожал плечами: «Не виновать себя, для того и пишется, чтобы люди знали». – «Тогда позволъ...» – я запнулся, не зная как обратиться к митрополиту (я и с архиепископами за всю свою жизнь разговаривал дважды – с коломенским владыкой Герасимом, когда меня игуменским саном и настоятельством удостоили, да ещё намерен с тверским владыкой Евфими-

ем). – «Зови меня отцом Киприаном, – подсказал митрополит, – не стоит усложнять то, что просто». – «Отец Киприан, – подхватил я благодарно, – а какой резон генуэзцам в наши церковные дела вмешиваться?» – «А если я тебе скажу, что на Куличках генуэзцы заодно с татарами бились? Что на это скажешь?» – «Что они враги. Тогда тем более непонятно, зачем им митрополита за свои деньги в Москве ставить». – «Так уж и непонятно? – усмехнулся Киприан. – Тогда тебя спрошу ещё: кто на Куличках наблюдателями рядом с московским князем стоял?» Я пожал плечами. «Всё те же генуэзцы! Дмитрий Иванович их сам пригласил, потому что и в случае победы, и в случае поражения торговых отношений с Крымом^{VII} рвать не хотел. А знаешь, к кому убежал Мамай, разбитый годом позже после Куличек Тохтамышем на реке Калке? К генуэзцам!» – И тут же был ими убит! – вставил Епифаний. «Что теперь скажешь?» – спросил меня Киприан. «Разве только то, что итальянские купцы о своей выгоде радеют и цену за неё сами назначают. Отче! – наконец вспомнил я, зачем пришел: – Князь наш Михаил Александрович, выслав вперёд себя гонцов к Тохтамышу с поздравлением по случаю победы, вместе с сыном уехал в Орду». Киприан кивнул грустно: «Спасибо, что, отказавшись от поручения, выполнил его. Конечно, ваш князь сейчас несчастьям Москвы рад, надеется воспользоваться злобой Тохтамыша на Дмитрия. Когда ж его, если не сейчас, пытаться с помощью монголов свергнуть с престола. А ты,

Антоний, генуэзцам удивляешься!» – «А мы что будем делать?» – Епифаний покусывал перо. – «Работать», – был ответ.

Седьмого октября пополудни из-за ворот обители окликнули: «Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!» – «Аминь!» – отозвался вратарь, без предосторожностей отпирая засов. Но за безобидным дьячком маячили не спешившиеся дружинники. «Где тут есть митрополит Киевский и Литовский Киприан?» – дьячок явно стремился иметь грозный вид, и таковым бы и казался, если бы не съехавший на одну сторону живот и кольшиющиеся от важности щеки. Он похлопывал по ладони скрученной грамотой словно дубинкой, выражая нетерпение. «Митрополит Великой Руси Киприан, – услышал я свой голос, сам себе поражаюсь, – здесь. Как ему доложить? Кто ты, с чьим поручением?» – «Малк Шигон я, – сбавил спесь дьячок, сжав грамоту в руке», – с поручением от великого князя Дмитрия Ивановича. – «Ты, дьяк, сейчас в Твери», – напомнил я ему. Вратарь после этих моих слов решительно затворил ворота, оставив московских дружинников вне обители. Малк, оказавшись вдруг один, ещё более скособочился. Я направился к митрополичьей келье, дьячок двинулся было за мной, но я остановил его взглядом: жди, мол.

Киприан прибытию гонца не удивился: «Впусти его, Антоний». Дьячок прямо на пороге хотел взломать на грамоте печать, намереваясь прочесть вслух. «Я чтению обучен», –

упредил его Киприан, протягивая руку. Малк нехотя отдал. Печать ореховой скорлупой упала на пол. Митрополит пробежал великокняжескую грамоту: «Ступай назад, скажи, что поручение исполнил. С Божией помощью буду завтра в Москве». – «Я с дружинниками здесь, они препроводят да и охраной будут». – «Ступай, – повторил с потаённой горячностью Киприан, – один приеду. Охранять княжским людям меня надо было тогда, когда я с великой княгиней да с малыми княжичами из осадной Москвы выбирался».

Дьячок, ещё причудливее скрючившись, попятился. Вратарь, закрывая за ним ворота, с удивлением отметил, что гонец повернул в сторону, противоположную от московского тракта.

Прощальная трапеза была более чем скромной не только из-за скудности припасов, но и из-за причины, по которой Киприан и его спутники покидали нас. Иноки, менее осведомленные чем я, но не менее наблюдательные, молча по очереди подошли к митрополиту под благословение. Последним был я. «Благослови, отец Киприан, препроводить тебя и твоих спутников до Москвы». – «Евфимий на это тебя не благословлял», – напомнил мне Киприан. – «Он в Твери епископ, а ты – митрополит... Руси...» – «Не пожалеешь? Я не за наградой еду». – «Сожалеть придётся, если ты, отче, мне в этой чести откажешь».

Кривить душой не стану: вызвался я ехать ещё и потому что надеялся хотя бы невзначай увидеть великую княгиню

Евдокию, а если особо посчастливится – то и лишний раз послужить ей.

Мы выехали в тот же день, выбрав окружной путь: длиннее, но спокойнее. К тому же переночевать и коням роздых дать можно было в лесной пустыньке, которая была по дороге. Проехав весь день в одиночестве, расположились на ночлег, когда над чащей сгустилась мгла, щедро подсвечиваемая звёздами. Наскоро подкрепившись, легли, чтобы на зорьке продолжить путь. Среди ночи я проснулся, обеспокоенный мятущимся пламенем свечи. Епифаний торопливо исписывал четвертушки листов.

«Чего не спишь?» – спросил я, сонно наблюдая за пляшущими под пером тенями. «Тсс! – приложил он к губам испачканный чернилами палец. – Киприана разбудишь». – «А ты?» – «А что я? Ещё Василий Великий поучал: «Будь ревнителем праведно живущих и имена их, и жития, и дела записывай на своём сердце». Поскольку же я не достиг такой меры и не пришёл в такое состояние, чтобы писать на скрижалях сердечного разума, то решил писать на материальном пергамене»^{VIII}. – «Как думаешь, что завтра в Москве будет?» – «Битва овец среди волков»⁹.

«И даже того хуже, – подал вдруг голос Киприан, – потому как я не воин, а епископ. И иного мне по сану моему не дано». – «Бывает иначе, – неожиданно возразил Епифаний. – Мне один такой известен. Он воин». – «Кто таков? Я его

⁹ См. Евангелие от Матфея, 25:21.

знаю?» – «Навряд ли, он простой иеромонах». – «И как его зовут?» – «Стефан. Он пошёл в землю, где не ходили ногами святые апостолы, чтоб стать там и законоположителем, и исцелителем, и крестителем, и проповедником, и исповедником, и учителем, и стражевым, и правителем». – «Свидетелься бы с ним... Что за земля-то?» – «Это Пермь – непонятная страна. Из неё две реки вытекают, Вычегда и Кама, и воды одной бегут к северу, а другой – к югу». – «Чудно! А ты сам туда хаживал?» – «Нет, не успел, но путь знаю: если из Устюга Вычегдой подняться вверх, то можно войти в эту самую Пермь^{IX}...»

Незаметно для себя я уснул, погрузившись во сне в бурное течение двух рек, слившихся в противоречивый поток: с трудом держась на поверхности, я никак не мог определиться, куда мне плыть. Загребал левой рукой – меня сносило к переплетённым намертво корням угрюмых сосен правого берега; отворачивал в противоположную сторону – на меня надвигался скалистый левый берег. Пробовал грести обеими руками – стремительно шёл ко дну. Я вынырнул из сна только тогда, когда мои спутники уже седлали коней. Провел рукой по потному лбу и, ещё толком не проснувшись, подумал: «Ну вот, насквозь промок...»

Солнце ещё стояло в зените, когда мы уперлись в чашокол заострённых брёвен, за которыми виднелись верхушки башен Кремля, одетых в строительные леса. Афанасий, ехавший первым, повернул влево – к трехъярусной построй-

ке, из верхних окон которой вырывались клубы белого пара. «Ну что ж, сотворим омовение, – усмехнулся Киприан и тихо, словно себе одному, добавил: – пока не приняли мучение». Я, смутившись, хотел было остаться, но Епифаний не дал: «Идём, приезжим в Кремль принято являться чистыми, обновлёнными».

Слезли с полок истомлённые жаром и ожили, лишь когда облились студёной водой. В сенях, отдышавшись, переменили исподнее, смахнули седую пыль с ряс и сапог. «Теперь пора...» Я взглянул на Киприана: митрополит казался отстранённым, словно глядел внутрь себя.

К воротам Кремля вёл мост, который я поначалу принял за каменный остров, поскольку он не доходил ни до правого, ни до левого берега речки Неглинки (я невольно вспомнил свой сон). Но стоило нам подъехать ближе, как сидевшие на жухлой траве ратники зашевелились, надвигая на мост деревянный настил. Старались они ради обогнавшего нас боярина в окружении дюжины дьяков и ратников. «Василий! Румянец!..» – прошелестело на берегу. Два рослых ратника, спешившись, взяли под уздцы коня, на котором восседал грузный боярин. Вороной, оскальзываясь и хрипя, натужно внёс свою пыхтящую поклажу на мост.

Митрополит въехал на помост следом. Один из стражников заступил дорогу – Киприан показал великокняжескую грамоту, и мы пустили коней в галоп. Василий Румянец уже скрылся в воротах проездной башни, но подъёмный мост

поднять ещё не успели. Мы въехали в Кремль. За нерушимыми крепостными стенами царило безмолвие. Среди шлёмообразных куполов церквей маячили обгорелые остовы теремов, чёрные на седом пепле. Печальная эта пороша скрадывала цокот копыт. Да что цокот! Самый тихий шёпот показался бы здесь воплем, потому что все живые звуки окрест поглотил приторный запах смерти. Кони, чуя его, храпели и натягивали поводья, норовя повернуть назад. Им было жутко на безлюдье. И вдруг словно из-под земли возник старик. У него были совершенно белые волосы и черное лицо. В руках он бережно держал что-то круглое, от чего никак нельзя было оторвать взгляд. Через мгновение я понял – это обуглившийся череп.

Гнедой под митрополитом, хрипя, встал на дыбы. Старик споткнулся, череп упал и рассыпался в прах: «Как же я теперь без тебя, Любушка?» Конь подо мной был смиренный, и я, наклонившись, потряс старика за плечи: «Вставай, у тебя дел ещё много! Кто ж, кроме тебя, о душе её новопреставленной позаботится...» – «Да, надо!» – он провёл ладонями по лицу, слёзы смыли копоть с подбородка и щек, запустил пальцы в волосы – под пеплом оказались русые кудри.

«Князя найти нам поможешь?» Он кивнул, берясь за стремя, но тут же обмяк: «А как же она? Как я её тут одну брошу?» – «Как тебя звать?» – «Андрон...» – «Ты возьми, Андрон, щепоть этой земли, мы с тобой вместе за упокой отслужим. Можно сорокоуст, годовое, а то и вечное

поминование». – «Вечное!» – эхом отозвался он, доставая из ладанки сложенный восьмушкой пергамен. Бережно ссыпав туда прах, перевязал суровой ниткой, положил обратно и вскочил сзади меня в седло.

Обогнав спутников, свернули направо – туда, где одни из ворот вели в посад. У кремлёвской стены, лежали рядками, как воины в шеренге, убиенные. «Некому хоронить», – услышал я чей-то дрогнувший голос, и оглянулся, чтобы увидеть сказавшего. Он стоял, пряча лицо на шее у своего коня. Длинное, почти до пят, корзно^Х, обшитое галунами и меховой опушкой, указывало, что плачущий – знатный человек.

Вдоль трупов семенял княжий дьяк и, кивая головой, отсчитывал: «...два сорока! Стой!» Слов его было почти не разобрать. Дьяк, закрыв от смрада нос и рот платком, ткнул пальцем в восьмидесятый труп. Могильщик с закатанными рукавами и с таким же, как у дьяка платком, концы которого он заправил за веревку, перехватывавшую волосы на голове, вонзил в землю лопату напротив указанного покойника. Укрытая в черный плат женщина протянула ему столбик монет. «Рубль на два сорока трупов!» – оповестил могильщик и, сунув деньги за щёку, махнул рукой сидевшим в тенике мужикам. Те, как поднятые на крыло вороны, с лопатами наперевес двинулись закапывать, а дьяк пошел отсчитывать дальше...

Раздался сдавленный стон. Один из могильщиков неловко

переминался с ноги на ногу, избегая смотреть на женщину, разглаживавшую рогожку. Так поправляет мать сползшее со спящего ребенка одеяло.

Рядом с ней опустился на колени Киприан: «Бедная моя, давай вместе помолимся за упокой...» Могильщики, воспользовавшись заминкой, остервенело вонзили лопаты в землю. «Жалеть пришел? А где ты, митрополит, раньше со своей жалостью был?!» – раздался из-за спины хриплый окрик. Это был тот самый боярин, плакавший на шее у своего коня. Киприан, не успев подняться с колен, растерянно посмотрел снизу вверх. По тому как склонились в поклоне дьяки, как подобралась стоявшие поодаль бояре, как взялись за рукояти мечей ратники, стало понятно: перед нами – великий князь московский Дмитрий Иванович.

В воцарившейся тишине были слышен лишь стук лопат да неразборчивое бормотание отсчитывающую следующую очередь для свежей похоронной команды. «Два сорока!..» – «Слышишь?» – поморщился князь, словно от нестерпимой боли. – А знаешь, митрополит, сколько всего сороков погребли? Это ведь последыши. Я тебе сейчас скажу!. Князь закрыл лицо руками, и я уже подумал, что он сейчас вновь расплачется.

«Митенька», – легла ему на плечо женская рука. Я как только увидел эти длинные пальцы, так дышать перестал: она! И вправду, это была она, великая княгиня Евдокия. Чёрный плат скрывал плечи и грудь, подчеркивая бледность ли-

ца и печаль темно-карих глаз. Она не плакала. Но в том преувеличенном спокойствии, с которым она смотрела на все окрест, сквозила такая скорбь, что хотелось преклонить колена. «Митенька, – повторила она, крепко сжимая его плечо, – горе требует тишины. Не место и не время». – «Хорошо, – понизил он голос едва не до шепота, – Авдотья, ты мне просто скажи, кошель у тебя пуст?» Князь так по-домашнему обратился к великой княгине, что сердце моё сжалось ещё пронзительнее. Евдокия молча кивнула, скорбно сжав обескровленные губы. «Триста рублей в нём было, – князь потёр лоб ладонью, пытаясь укрыть от посторонних взглядов свои глаза, – триста! Она все раздала! По рублю на два сорока трупов! Думаешь, я денег пожалею? Мне людей жалко! Двадцать четыре тыщи схоронили! В ином городе жителей меньше, чем у нас покойников. А тех, что в огне не сгорели, в воде не утонули, под саблями не погибли, тех в рабство поганое увели!» – «Великий князь, чтобы ни говорили обо мне некоторые люди, я не воин, а епископ. – Киприан говорил ещё тише, чем Димитрий. – Я ехал в Москву к тебе как к своему сыну, чтобы увидеть всех вас и дать то, что в моих силах – духовное утешение...»

Но великий князь его перебил, стряхнув с плеча руку Евдокии: «А знаешь ли ты, в каком утешении я нуждаюсь? Только в том, какое мне давал незабвенный Алексей. Под его руководством было начало строительство этих неприступных стен, – он кивнул на белокаменный Кремль. – Люди дрог-

нули, а стены устояли. Вот что я понимаю под благословением и утешением! Иной митрополит на Москве мне не надобен. Воевода, собирай войско. На Рязань, на князя Олега! Отсидеться хотел? Не выйдет! Коня мне!» Всё враз пришло в движенье: ратники строились, бояре с ловкостью куницы пристраивались вслед князю. Остались невозмутимы лишь могильщики и мертвецы, оплакиваемые матерями и вдовами.

«Не держи на него обиды, отче, – Евдокия погладила опустевший кошель. – Он не столько тебя винит (если б не ты, нам с детьми из этого пекла не выбраться бы), сколько себе самому простить не может того, что с войском припозднился. Вот и на всех в сердцах боль свою срывает. Он и меня корил, что-де отец и братья мои с Тохтамышем заодно были. Если б не было победы на Куличках, не так обидно было бы...» Киприан, улыбнувшись, кивнул великой княгине. А на меня она даже не взглянула! Князь, кося глазом как понёсший конь, отрывисто приказал: «Чужеземца Киприана – из Москвы вон! Пимена из заточения вернуть – и в митрополиты! Я его простил!» «Мы как знали, – залезил тот самый грузный боярин, Василий Румянец, обогнавший нас на мосту, – я своего человечка уж в Тверь послал...» Пухлые щечки пылали гневом, сжатые кулачки выражали готовность растерзать врага на глазах своего повелителя. Боярин указал в нашу сторону – двое конных ратников стали теснить нас к мосту.

«Батюшка, – нырнул под моего коня Андрон, – спрячь меня от этого боярина, мне не жить, если он меня заметит. Спаси!» Я не стал переспрашивать. Нашарив в суме запасной подрясник, накинул его на Андрона..

Наши кони простучали копытами по деревянному настилу, который за нами спешно убрали, отрезав нас от Москвы как ломоть. На развилке мы остановились.

«На сей раз я легко отделался, – печально улыбнулся Киприан. – Когда впервые после смерти Алексея в Москву въехал, подручные князя, раздев, пешком изгнали из города. А чтобы унижить побольнее, нарядились в мои одежды и уселись на моего коня... Только пора расставаться. Тебе, Епифаний, пора к Сергию». Тот кивнул, соглашаясь: «Да, отче. Письмо передам, а „Повесть о Митяе“ доработаю и пришлю». – «Не только мне, князю перешили. Ему более всех надобно...» Они обнялись.

«Тебе, Антоний, – обернулся ко мне Киприан, – пора к братишке своей возвращаться. Может быть, за этот путь ты потерял больше, чем приобрел, то мне неизвестно. Но зато у тебя появился новый послушник». Андрон держался за стремя моего коня и явно не собирался его отпускать. Мне оставалось только пожать плечами и улыбнуться. «Может снова к нам, в Оришу?» – «Нет, я в Новгород, а там и в Литву. Негоже чтобы многочисленный народ был лишен епископского смотрения, когда ему угрожает присоединение к чужой церкви. Московский князь прав в том, что я чужез-

земец, да только не я вновь делю Русь на две митрополии. Мне, други мои, прямо».

«А мне? – подал голос Афанасий, и я поймал себя на том, что ни разу не перемолвился с диаконом. – У меня нет обязательств ни перед одной обителью. Дозволь последовать за тобой». – «Афанасий, ты не понял? Я чужеземец и изгнанник». – «Я всё понял. Благослови, отче...»

3
Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917 месяца студенья в 1-й день,
после третьего часа

Никто не бывает сам по себе. Сотоварищи по благословению

В трапезной обедали в две перемены: не хватало мест. Во главе стола – монахи, ближе к краю – миряне. Помолившись, братия молча взялась за ложки. Ели щи с подтиркой из муки с постным маслом да лапшу с грибами («Пост бывает – скорому не едят»). Один из столовых обиходников читал Псалтырь: *«Все повеления Твои, все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу. Дивны откровения Твои; потому хранит их душа моя...»*¹⁰

После трапезы все подходили к настоятелю с благодарен-

---

¹⁰ Псалтырь, 118:128—129.

нием. В чередѣ послѣдних – безусый инок, оставленный исчезнувшими монахами-всадниками.

– Как звать? – наместник не торопился совершить благословение.

– Зосима, – ладошки, сложенные в лодочку, дрогнули.

– При каком монастыре состоишь?

– Московские мы... Из Чудова монастыря...

– Кого там знаешь?

– Никого, батюшка, недавно я там...

– А сотоварищи, с которыми ты к нам приехал?

– Не ведаю, отче. Я сам по себе...

– Никто не бывает сам по себе. Ты к нам конный, как и они, явился.

– То их конь был, они увели его собой. Мы из Москвы вместе бежали...

– А что же дальше с ними не побегал?

– Я спал...

– И теперь чего ищешь, чадо? – нахмурился настоятель.

– Душе покоя. Дозволь, батюшка, остаться...

– Не пойму я тебя, Антоний нехотя благословил. – Ну да ладно, найди отца Андроника, скажи, чтобы в трапезную тебя поставил.

Когда под благословением подошёл Кирилл, игумен обернулся к Епифанию:

– Отче, у нас в трёх верстах от монастыря есть пустынька с печкой, сенями и крыльцом на приступках. С тобой моло-

дой трудник там поживет, – наместник указал на возвышавшегося позади него Кирилла.

Тот неприметно усмехнулся в рыжую бороду. («Слишком стар я для того, чтобы быть молодым...»)

4

Великое княжество Тверское,
в 20 сажнях^{XI} от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца студенья в 6-й день,
первый час

Засада под обителью. Исчезновение Епифания. Условленная встреча

Из-за поворота вышел Зосима с топором в руках и скоро зашагал по нерасчищенному лесному тракту. Намокший от снега подрясник мешал идти. Ступив ещё десяток шагов, монашек остановился, озираясь по сторонам. Качнулась ветка – не выходя из засады, подавал знак брат Андрей (это когда он на Руси, а Анджей – в Литве и её пограничных землях, где, впрочем, за глаза его звали Сатаной, что его несколько не обижало, настоящее же его имя, равно как и отечество, было известно лишь избранным). Усвоение чужих языков и нравов было его любимейшим занятием. Он научился из книжной премудрости вылуцивать ту суть, которая бы могла подчеркнуть неизбывность человеческих пороков.

Попав на Русь, он определил своею главной книгой «Сло-

во Даниила Заточника». Потрепанную, стертую на изгибах, он возил её с собою повсюду и, играючи, открывал наугад, чтобы отхлебнуть из этого источника горчайшие строки разочаровавшегося в людях отшельника.

Снег с шумом обрушился вниз, Зосима отпрянул.

– Что ты прыгаешь, как воробей по насту! Появился книжник? – Сатана хмуро поморщился.

– Да, сразу как вы ушли, поутру.

– Сейчас он где, в обители?

– Нет, услад его игумен.

– Куда? – коротко рыкнул Сатана.

– Про то мне ничего не ведомо, – и, боясь прогневить, скороговоркой добавил: – Только книжник недалече, настоятель его завтра к себе в гости ждёт.

Сатана погладил лысую голову («Наведаться бы к книжнику в его отсутствие»):

– Видно, где-то поблизости пустынь или скит. А дорога к монастырю одна?

– Одна! Я напросился на заготовку дров, уже всё тут исходил. Вон развилка за поворотом, там все дороги сливаются.

– Точно завтра?

– Настоятель распорядился курицу приготовит в честь особого гостя.

– Курицу?! – ухмыльнулся Сатана. – Так тебе и доложил?

– Нет, отцу Андронику, он его правая рука, а я услышал.

– Книжник из монастыря один ушёл или игумен кого-ни-

будь с ним отрядил?

– Того не ведаю, – виновато потупился Зосима, но, подумав, воскликнул: – Кажись, я одного трудника в первый день его на трапезе приметил, а с тех пор – ни разу не видел. Большой такой, рыжий.

5

Великое княжество Тверское,
р. Орша, пустынная келья,
в одном дне пешего пути^{XI} от обители,
в год 6917 месяца студенья в 6-й день,
третий час

Подозрения Епифания. Опасения Кирилла

Застывшие на морозе рыбины стукнули о пол, как поленья.

– Безрыбье хуже бесхлебья, – объяснил Кирилл поднявшему голову от книги Епифанию, который торопился описать хотя бы бегло нашествие, которому сам был соучастник и свидетель.

«Когда прошло двадцать дней с тех пор, как агарянин^{XII} Едигей осадил славный град Москву, возомнил он о своем величии и надумал тут зимовать. И много дней гордился, окаянный, что покорил и опустошил все окружающие Москву города. Только один город был храним богом по молит-

вам пречистой его матери и ради ее животворящей иконы и архиепископа Петра. Люди, бывшие в городе в великом бедствии, впали в глубокое уныние, видя, что им никто не помогает и что от людей им нечего ждать спасения, и вспомнили Давида, который писал так: «Лучше уповать на господа, чем уповать на князя; лучше надеяться на бога, чем надеяться на человека...»^{XIII}

Кирилл растопил печку, поставил на огонь котёл и принялся за не оттаявшего судака, отделил голову, плавники, кости и бросил в бурлящую воду.

– Никак волхвуешь? – обронил Епифаний, когда трудник стал развязывать мешочки и, принохиваясь, доставать какие-то травки, корешки...

Кирилл усмехнулся в рыжую бороду, снял с огня навар отстаиваться. Нарубил сушёную зелень, высыпал на противень горсть муки, добавил коренья... Спиной чувствовал – наблюдает за ним Епифаний. Оборачиваться не стал – некогда. Осторожно перелил настоявшийся отвар в другой котёл, так, чтобы туда только одна прозрачная, как слеза, юшка попала, и опустил на дно распластованную рыбу. Когда варево забурило, снял пену и, помогая себе ножом и ложкой, выложил разварного судака в большую миску. Процедил отвар через холщовую тряпицу, добавил в него взвар из муки и зелени, размешал и обильно полил им рыбу.

– Ну что, отче, отобедаем?

Епифаний повернулся к образам: «Очи всех на Тя, Госпо-

ди, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремени...»

– Ты где так готовить научился? – спросил, когда взялись за ложки.

– Дома, – коротко ответил Кирилл.

– А где твой дом?

– Теперь здесь, – ответил коротко и неохотно настолько, что дальше ели в сосредоточенной тишине, думая каждый о своём.

– Может, кисельку с медком вприкуску? – нарушил молчание Кирилл, когда рыбой уже насытились.

– Я до сладкого не охоч.

– А я грешен, люблю очень...

Епифаний, усмехнувшись, наблюдал за тем, как Кирилл благоговейно льет золотой тягучий мед на горбушку и, закрыв глаза, с наслаждением отправляет в рот. Всё в нём было будто бы скроено из двух противоположностей. Широкие плечи супротив круглого живота, перехваченного ремнем едва ли не под мышками. Рослая стать супротив косолапой походки. Благородная проседь – супротив тонких запястий, выглядывавших из-под коротких как у мальчишки рукавов. Огромный лоб супротив круглых щек и лукавой усмешки, заблудившейся в раздвоенной рыжей бороде.

– Почему твой дом здесь?

Кирилл открыл глаза и недоуменно уставился на Епифания. «За что?» – спрашивал его взгляд.

– Прости, брат, за любопытство, – устыдился Епифаний.

– Да нет, ничего, – пожал могучими плечами Кирилл, печально сложив руки на пухлом животе. – У меня жена заболела так сильно, что уж умирать собралась, а перед смертью пожелала принять постриг. Последняя воля! Пошел за неё просить, мне говорят: «Это жертва небольшая, надо, чтобы и ты в монахи постригся...» А я не мог о себе сказать, что я «не от мира сего». Игумен уговаривал, духовник увещевал – я сопротивлялся, жёнке становилось все хуже...

Кирилл тихо вздохнул и снова потянулся к мёду.

– Любишь очень? – спросил Епифаний сочувственно.

– Мёд? Я всё сладкое люблю, пряники в особенности. Только сейчас ведь пост.

– Да нет, – улыбнулся Епифаний, – я про жёнку.

– Как сказать, венчанные мы, – значит, «до самых смерти». Детишек, правда, не было, Глафира моя с молодости здоровьем не славилась. И сейчас хворает, но не умирает, и то слава Богу, – Кирилл слизнул с пальцев мёд.

– А ты в дружине какого князя служил?

– У Дмитрия Ивановича..

– Храбрый муж! Стало быть, и ты с отвагой не понаслышке знаком...

– Нет! Князь и повелел: мол, раз крепок не на поле брани, а в словесах, пусть идёт тайные грамотки писать...

Сказал и почувствовал, как вдруг напрягся, посуровел Епифаний, но решил всё же закончить.

– Жёнка схиму приняла, в скиту живёт, я ее, *матушку*

Параскеву, – произнёс, словно взвесил, – иногда проведу-
ваю. Такие вот узоры жизни...

– Вот и мне завтра в дорогу, – закруглил разговор Епифаний («Удружил Антоний, мне только тайного писца и не достаёт...»), – обещал настоятеля навестить. Не заблужусь? («Зачем сказал? Ещё следом увяжется, а в пустыньке останется, начнёт по книгам лазать...»)

– Да тут прямиком, а если метель, то на звон выйдешь, в непогоду в монастыре часто звонят. («Намекнуть ему про монахов-всадников? Да, верно, Антоний ему сказал, раз сюда отослал...»)

6

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесной тракт, в 50 саженьях от обители,
в год 6917 месяца студенья в 7-й день,
первый час

Снежная могила. Ночное прощание греха

У самой кромки придорожного леса, прилежно тюкал топориком Зосима. («Знать ничего не знаю, кто кого ждёт и зачем. Мне сказали дрова заготовливать, я и буду. Срублю вот какое деревце потоньше, притащу в обитель – все увидят, что не просто так по лесу шатался...») Два всадника спешились и нырнули под разлапистые ели. С лесной опушки до-

носились звонкое тюканье топора Зосимы. Сатана, оглаживая лысую голову, предостерегающе поднял руку: заскрипел снег – послышались шаги...

Епифаний, дойдя до развилки, замешкался, раздумывая, куда свернуть. «Прямиком, а если не ровен час метель, то на звон выйдешь...» – вспомнил он слова Кирилла. («Ага, как же!»)

Тут Зосима в очередной раз тюкнул топориком, Епифаний, прибавил ходу:

– Эй, брат!

Тот судорожно сглотнув, ударил... Дерево, тонко скрипнув, на лету обдало Зосиму облаком снежной пыли... Чертыхаясь, Сатана выскочил из ельника. Книжник лежал, уткнувшись лицом в снег.

– Ты что натворил, квашня?!

Зосима упал на колени, ловя трясущимися губами руку Сатаны. Сатана яростно оттолкнул его, кипя от ярости. В ельнике, метнувшись, заржали кони. Кинулись их ловить под уздцы.

– Зверь недалеко, – убеждённо сказал Макарий, – лёгкую поживу почуял.

Сатана спорить не стал: Макарий лесные обычаи знает. Грозно зыркнул на Зосиму:

– Вставай! Господь блудницу, разбойника и мытаря помиловал, и тебя, непутёвого, простит. На ночь – земной поклон, а еще лучше три: греха, что в день сотворил, как и не быва-

ло. Поехали, трудника навестим, книжки читаем...

Снег повалил с неба крупными хлопьями, словно то-ропился запорошить оставленные Епифанием следы. Пришлось спешиться, чтобы не затоптать конями смутно угады-ваемую среди намётов тропку. Ввалились в избу, огляделись. печь ещё теплая, на столе под полотенцем свежее испеченная коврига. Но куда делся трудник?

Сатана пробежал по павшим на глаза строчкам:

«Татары заметили, что русские не склонны к кровопролитию, но, будучи миролюбцами, ожидают справедливого договора, и обо всем этом сообщили Едигею. Едигей же, узнав, стал готовиться к походу на Русь. А в это время великий князь Свидригайло Ольгердович прислал в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу послов...»

Поразмыслив, сунул за пазуху («А книжник знает толк в хитросплетениях дворов»). Взглядом перешерстил стопки книг. Одна особенно привлекла его внимание, она лежала особняком от других. Сатана словно ненароком заслонил её спиной от грузивших рукописи в мешки.

– Всё собрали. Дальше что?

– Жгите!

– Книжки?

– Да нет же! Келью! Книжки – с собой!

Пока поджигали, Сатана нашёл место приметное для себя и незаметное для остальных...

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесной тракт, в 50 саженьях от обители,
в год 6917 месяца студенья в 7-й день,
после третьего часа

Зарево над кельей. Чёрные фигуры на белом поле

Ладья скользила по белой реке до тех пор, пока её нос не взлетел на гребень. Зачерпнула кормой и, накренившись, она стала вертикально уходить под воду. Та хлынула в ладью и оказалась не водой, а снегом, который большими, холодными хлопьями слепил глаза, холодил щеки и шею. Епифаний силился поднять веки, но не мог. Белая река вновь подхватила его и стремительно понесла по своим снежным волнам...

Кирилл оглянулся: раненый снова сполз с кожуха, приспособленного вместо волокуши. Сбросил с себя тулуп и взвалил Епифания на плечи. Два кожуха остались лежать на снегу, как не успевшие уйти от погони звери...

Не прошло и двух часов, как трудник вышел на поиски Епифания, а протоптанную им же самим тропу уже замело, но не успел подумать, что дом уже рядом, как вдруг закашлялся от горечи.

Заснеженные ели расступились, и трудник застыл на ме-

сте: пустынька догорала. Хлопья гари оседали на подтаявший снег, оранжевое зарево лениво угасало в вечерней синеве.

Присмотрелся – в сгустившихся сумерках смутно угадывались удаляющиеся всадники.

Кирилл уже хотел их окликнуть, но что-то его словно толкнуло в грудь, и он, отступая, втащил Епифания в сомкнувшийся за ними ельник. («Думай, Кирюша, думай... Нести Епифания в монастырь? А если не хватит сил? Остаться на пепелище? А если раненый окоченеет от холода? И почему он оказался в лесу с проломленной головой? Разве падают сами собой срубленные деревья? Почему сторела келья? Почему всё случилось в одночасье? И что я, непутёвый, посреди всего этого делаю, Господи?!»)»)

8

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесной тракт, в 50 саженьях от обители,
в год 6917 месяца студенья в 7-й день,
шестой час

Охота за скарбом. Горчайший из источников

Сатана хмуро наблюдал, как покачиваются за сёдлами лантухи с книгами, как ёрзает Зосима, пытаясь быть полезным. Всё шло наперекосяк!

– Др-р-ровосек! – Сатана смерил суровым взглядом Зо-

симу.

Поручение, которое брат Анджей получил от епископа Леонарда в Вильне, было расплывчатым: «Идущих на смерть переживают их вещи. Разве не осталось после Стефана грамот, карт, какого-нибудь духовного завещания? Разве не доверил он все это своему духовному брату Епифанию?»

Витиеватость епископа Леонарда раздражала. Привыкший к тому, что ему, как на ладони, были открыты тайны и литовцев, и москвитян, и новгородцев, и ордынцев, и тевтонских рыцарей, Анджей-Андрей катался, как сыр в масле, от одного секретного поручения к другому. Но он всегда понимал скрытые пружины, заставлявшие к нему обращаться его многочисленных хозяев, разницы между которыми не делал, только бы платили, да был бы азарт, без которого жизнь, как снедь без соли...

И на сей раз выданные казначеем епископа золотые яснее всего намекали на то, что задание следует исполнить. Но если всё же Его преосвященство прав и покойников переживают их вещи, то, пожалуй, чёрная книга, спрятанная им у пожарища, послужит подсказкой. («Только, Ваше Преосвященство, я сначала сам на неё взгляну, а потом уж решу, передать секрет вам или найти покупателя побогаче да пощедрее...»)

р. Орша, лесная пустынь,
в год 6917 месяца декабря в 7-й день,
вечерня

Живые помогают мёртвым. В поисках огня.

Опустив голову, трудник сидел, уронив руки на колени. Впереди – головешки на пожарище, позади – лесная чаща, справа – река подо льдом, слева... Кирилл вскочил на ноги. Да как же он забыл! Слева – пустынька Окула. Подхватив Епифания под мышки, потащил по снегу..

У землянки крыша плоская, на трёх поперечных слегах, и без того с землей срослась, а сейчас ещё и под снежным покровом спряталась. Еле нашёл, налёг на просевшую дверцу плечом и втащил внутрь Епифания.

Похлопал себя по бокам – огонь развести нечем. Как слепец, принялся обшаривать всё, что попадалось на расстоянии вытянутой руки. По углам и вдоль стен землянки – столбы с развилками. Три стены землянки сплетены из хвороста, четвертая – из вбитых в землю жердей, под ногами – глинобитный пол. Наткнулся на оконце с плетёной задвижкой. («Вытяжка! Значит, в углу и печка-каменка...») Пальцы не слушались, засунул себе под подмышки – дыхание перехватило. («Если я так продрог, то какво Епифанию?») Приказал себе начать всё с начала – от двери...

Под притолокой нащупал кожаный мешочек. Развязал зу-

бами – там кремень, кресало и трут. Перекрестился благодарно – и к печке. В очаге на застарелых угольях растопка лежит. «Помирать собираешься, а хлеб сей», – вспомнил любимую поговорку Окула. Вот так мёртвые помогают живым.

Искра пробежала по камышовому труту. Зачатки огня переметнулись на бересту: та, корчась, зашипела. Метнулся наружу за хворостом. Осторожно подкормил огонь. Пламя высветило глиняную утварь, грубо оструганный стол, широкую лавку, лежанку с истлевшими шкурами, и хитрую «подземельку», под которой должен проходить дым и тёплый воздух. Ещё сам толком не понимая почему, Кирилл ей обрадовался больше всего: длинная канавка, вырытая в земной толще, соединяясь с дымоходом, выходила наружу далеко от жилища, не давая по дыму отыскать уединенное пристанище.

Устроил на лежанке Епифания, подложив под голову свою шапку. Пальцы тут же наткнулись на что-то тёплое и липкое. «Кровь!» – понял Кирилл. Разорвал свою рубаху на полосы, оттаял снег, промыл рану, приложил к затылку паутину, которой в избытке было по углам, плотно завязал. Епифаний в ответ тихо застонал. Кирилл с облегчением перекрестился: «Жив!».

10

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917 месяца студенья в 8-й день,

утреня

Рассеянная молитва. Зря никого не ищут

Монахи вторили друг другу. Их голоса, сплетаясь, уносились ввысь и таяли под церковными сводами. Антоний мыслями был далёко: с ночи одолевали тревожные думы. Он прикрыл глаза и приказал себе сосредоточиться на молитве.

«От сна встав, благодарю Тя, Святая Троице, яко многия ради Твояе благодати и долготерпения не прогневался еси на мя, лениваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззаконьми моими; но человеколюбствовал еси обычно и в нечаянии лежащаго воздвигл мя еси...» XIV

Настоятеля беспокоило то, что Епифаний, которого он пригласил к себе, вчера так и не появился. («От пустыньки рукой подать, вряд ли ему в тягость проделать такой путь. Занемог или?...») Вот это «или» тревожило более всего.

С одной стороны, он чувствовал вину за то, что ничего не сказал Епифанию о том, что про него спрашивали монахи-всадники. С другой стороны, он ведь спрятал Епифания от чужих глаз в надёжное место. А ведь зря никого не ищут. Значит, было что скрывать Епифанию. Вот это-то и рассчитывал Антоний прояснить для себя, встретившись с ним с глазу на глаз за трапезой. Он даже распорядился ради этого случая приготовить «монастырскую курицу», которой хотел напомнить о событиях шестнадцатилетней давности.

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесная пустынь,
в год 6917 месяца студенья в 8-й день,
после утрени

Тяжёлая находка. Горят ли дотла книги?

Едва открыв веки, Кирилл метнулся к Епифанию. Склонился, прислушиваясь: грудь вздымалась слабо, но мерно. Ёжась от холода и от покалывавшей тело полуистлевшей власяницы, которую нашёл тут же, в землянке, выскочил на мороз за хвостом, в который раз пожалев о брошенном кожухе. Истопил печь и выступил в путь...

Мороз подгонял. Едва ли не бегом трудник добрался до своей бывшей кельи и замер. Среди серых сугробов, покрытых хлопьями золы, торчала чёрная пятистенка. Кирилл огляделся вокруг. На закопчённом, просевшем снегу искать было совершенно нечего. Вытянув шею, попробовал осмотреться на дальних подступах, и, поскользнувшись, растянулся во весь рост. Власяница больно уколола живот. Кряхтя и вздыхая, стал медленно подниматься. Взгляд упёрся сначала в ствол поваленного дерева, а затем – в чёрный переплет притаившейся под ним книги. Взял в руки – и чуть не упустил. Тяжёлая! Смахнул снег с дублёной кожи – на облож-

ке проступило тиснение. Мокрыми пальцами расстегнул застёжки, наугад открыл:

«...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...»¹¹

Кирилл прижал к себе увесистый том. («Да это же Евангелие Епифания!») Запомнил, потому что очень удивился, когда однажды застал книжника за странным занятием: вместо того, чтобы читать книгу, он писал в неё! Толстые страницы норовили перелистнуться, Епифаний придерживал их, а перо так и летало, вновь и вновь оставляя над строкой титло^{XV}. («Неужто правил Святое писание?!»). Теперь он знал, что надо искать. Вот топор без топорича, вот обуглившаяся лавка, вот глиняные черепки, но где же все те книги, которые привёз Епифаний? Ведь не могли сгореть дотла, железные застёжки уцелели бы...

12

Пустыня, в одном дне пешего пути
от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца студенья в 8-й день,
третий час

Тайник опустел. На каждую руку да по тулупу

---

¹¹ Евангелие от Матфея, 5:44.

На пепелище стояла тишь. Изредка постреливали сучки на морозе. Оглаживая лысую голову, Анджей-Андрей осмотрелся вокруг: вот пожарище, вот самая высокая сосна, вот поваленное дерево... Разгрёб снег в поисках тайника... Ошибки быть не могло, но где же книга? Вскочил в седло – и туда, где вчера бросили Епифания. Метель взгромоздила один перемёт за другим. Жеребец, увязая по брюхо, рыхлил снег. Из сугроба выглядывало что-то тёмное. Копнул глубже... Так и стоял посреди дороги – в каждой руке по овчине...

13

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесная пустынь,
в год 6917 месяца студенья в 11-й день,
утреня

Над книгой. Все дороги ведут к наместнику

В печи, шипя, постреливали дрова. У стола сидел трудник и читал при лучине книгу.

– Кирилл! – позвал Епифаний, не узнав собственного голоса.

– Ты как, отче? – трудник едва не опрокинул лавку.

– Да вроде ничего, – Епифаний потрогал лоб и опять погрузился в сон.

«Во сне выздоравливают», – успокоил себя Кирилл и вновь окунулся в чтение. Он уже три вечера сидел над сборником, но тут, недоумевая, замер..

Многое и другое сотворил Исус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь^{XVI}.

Кирилл твёрдо знал: этими словами Святое Благовествование от Иоанна заканчивается – аминь. По крайней мере, во всех других служебниках, но только не в том, что сейчас лежал перед ним. Перелистнул...

Увиденное вернее услышанного, но достоверен и многократно услышанный слух, если рассказываемое истинно^{XVII}...

Этого здесь быть не должно! Кирилл посмотрел на Епифания. Тот тихо постанывал во сне. («Почему сборник лежал под поваленным деревом?») Не сводя глаз со скорописи, Кирилл размышлял, забыв о погасшей лучине. («Монахи-всадники спрашивали у настоятеля про книжника и у пожарища тоже были всадники...») Трое ли, четверо ли их было – трудник вспомнить не мог. Да, впрочем, и не больно-то старался. Отец Антоний – вот кто занимал его мысли. («Настоятель разговаривал со всадниками. Он же послал Епифания в пустыньку...») Тут Кирилл даже привстал с места от волнения: «Настоятель в тот день позвал Епифания к себе! Рано или поздно он вспомнит о лесной пустыни Окула!».

Великое княжество Тверское,
р. Волга, скит, в двух днях пешего пути
от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца студень в 13-й день,
вечерня

Лихоимцы не воруют книги. Не чужие, но и не свои

Монахини высыпали на крыльцо, обступили Елифания, лежащего на волокуше (её кое-как соорудил Кирилл из двух жердей), и, ничего не спрашивая, понесли в келью. Кирилл, пошатываясь, шёл следом, готовясь ко встрече с Параскевой. Та по обыкновению полулежала под образами и тихо постанывала.

Год назад она стала настоятельницей по предсмертному завещанию матушки Переславы, основательницы скита. Почувствовав приближение последнего часа, та остановила свой выбор на самой стойкой – по здравости рассудка и силе характера. Ею оказалась Параскева, едва державшаяся на ногах.

– Здравствуй, матушка! – окликнул Кирилл бывшую супругу.

– Кирюша? Не ждала я тебя. Сегодня опять плохо, ноги совсем отнялись, а Бог никак забрать меня не хочет.

Личико её сморщилось не то от боли, не то от обиды. Она

лежала, перебирая истончавшими руками чётки. Послушница с безмолвной заботой подоткнула покрывало. Розовощёкая, она стыдилась своего пышущего здоровья и, как все, побаивалась настоятельницу. Параскева закрыла глаза, чётки скатились на пол. Послушница проворно вложила их ей в руки. Кириллу показалось, что Параскева позабыла о нём, но тут его настиг властный вопрос:

– Зачем пришёл?

– Влип я, матушка, – просто ответил Кирилл. – Пустыньку нашу лихие люди спалили, товарища моего едва не убили.

– Анисья, ступай, – отпустила Параскева послушницу.

– Лихоимцы напали? – цепко приступила к опросу настоятельница.

– Всё много хуже. Монахи, думаю, нас сожгли.

– Мона-а-хи? Может, разбойники иноков побили да в их рясы нарядились?

– А лихоимцы книжки бы воровать стали?!

– Кни-и-жки... – задумчиво протянула Параскева, не умеющая читать даже по слогам. – Ты с товарищем своим нашему скиту беды не натвори!

– Что ж, уйти нам, что ли? – попытался улыбнуться трудник.

– Спрячем, подлечим, подкормим, – устыдилась настоятельница. – Но ни с кем не говорить, никуда не ходить, еду вам Анисьин сынишка носить станет. Чай, не чужие.

Глаза матушки Параскевы неожиданно увлажнились,

и за этими слезами смутно угадывалась прежняя Глафира.
– У черницы – сын? – смутившись, брякнул Кирилл.
Настоятельница поджала губы.

15

Великое княжество Тверское,
р. Волга, скит, в двух днях пешего пути
от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца студенья в 18-й день,
утреня

Новоявленный стригольник. Письменные свидетели

Хворь отпустила Епифания в одночасье. Трудник не заметил, как тот открыл глаза: был погружён в чтение.

«И не добивался он владычества, не вертелся, не старался, не высказывал, не подкупал, не давал посулы. Не дал ведь он никому ничего и никто ничего не взял у него за поставление – ни дара, ни посула, ни мзды...»

Епифаний упал бы, если бы не подскочивший Кирилл. Опираясь на его плечо, Епифаний добрёл до стола, сурово глянул сначала на книгу, потом – на трудника. Тот, робея, закрыл «Житие».

– Возрадовался, что читать выучился, строчки зришь?

– Не этому радуюсь, – протестующее покрутил головой Кирилл, – а тому, что между строк различить сумел.

– И много успел разглядеть? – колко любопытствовал Епифаний.

– Да немало! – Кирилл вновь потянулся к книге, прочёл негромко, но внятно.

«Нечего ведь было ему дать, ибо богатств он не стяжал и ему самому давали необходимое люди милостивые, христоролюбцы и страннолюбцы, видя, что ради Бога делается происходящее».

– И как могло такое случиться, чтобы поставление в епископы свершилось без мзды? Я слышал, просто так и в диаконы не ставят..

– А я тебе словами «моего» Стефана отвечу: *«Если ставленная пошлина есть по-вашему симония, а все священники её платят, то значит на всей земле уже нет ни одного истинного священника?»*

– Симония – потому что волхв такой был, который «подумал дар Божий получить за деньги», да? – откликнулся Кирилл. – Я в Деяниях читал.. А вот запретили бы духоводчество, тогда бы и искушение мздой священства не стояло бы между Богом и прихожанами.

– Да ты, как я погляжу, стригольник! – усмехнулся Епифаний.

– Стрибогу я не поклонник, язычник я по-твоему, что ли?

– Да нет, Стрибог тут не причём. Зачинщик этой смуты диакон Карп стал расстригой, отсюда и уничижительное название. Неужто и впрямь не слышал?

– Откуда? Только ты лучше скажи, почему у нас всё устройство жизни, как тесто на опаре, стоит на мзде?

– Так не одной Орде мы дань платим. Византийцы тоже привыкли к доходу от нашей церкви, вот владыки тянут соки с духовенства. Установившийся на Руси обычай симонии будет таким, пока митрополия наша самостоятельной не станет.

– И что, тогда, думаешь, и люди другими враз станут?

– Вряд ли.. А ты знаешь, по чьей милости мы здесь очутились? Кирилл стал пересказывать всё, что мог. Епифаний раздумчиво кивал:

– Как думаешь, остальные книги в огне не погибли?

– Нет, их наверно те самые монахи-всадники унесли.

– Ну и пусть, – легко согласился Епифаний, но заметив, что Кирилл смотрит на него в замешательстве, добавил: – *Если что-то не записано, то уходит из памяти и по прошествии лет и смене родов легко забудется, а плоды труда – свидетели.*

16

Великое княжество Тверское,

р. Волга, скит, в двух днях пешего пути
от Оршина монастыря,

в год 6917 месяца студенья в 19-й день,
утреня

Незнакомая молитва. Как к живому

Епифаний и Кирилл молились здесь же, в келье, Параскева в церковь их не пускала, опасаясь чужих глаз. Трудник прислушивался без всякого умысла. Он просто хотел отслужить утреню вместе^{XVIII}.

Одній миті, колирала сонце і пучину життєвого моря,
і кави дойду як пристанню покаянн...

На твоє джорні сиринка олі, П'є,
тво притиля, тво пучинка, із сиринка ма і сиринка ма,
пучинка і пучинка ма і пучинка ма,
пучинка і пучинка ма і пучинка ма,
і тво миті тво і допучинка тво пучинка ма...

на тво пучинка ма і пучинка ма,
пучинка і ма, і ма і ма і ма і ма...

Пучинка ма і ма, і ма і ма і ма, і ма і ма,
і ма і ма і ма і ма і ма і ма...

К с. 74, 166.

*Увы мне! Волнуюсь посреди пучины житейского моря,
и как постигну тишину умиления, и как дойду в пристанище*

покаяния?

– «Увы!» – прошептал Кирилл, ожидая продолжения.
(«Незнакомые словеса...»)

Как предвечный кормчий, отче, как правитель, как наставник, из глубины меня от страстей возведи, молю. Способствуй и помогай моему сиротству. Сотвори обо мне, отче, молитву к Богу. Тебе ведь дана благодать молиться за нас. Ибо молитвы твои и добродетели твои помянуты были...

– «Помянуты были...» – эхом отозвался Кирилл.

Но как имеющий дерзновение к Богу, отче, помолись за меня. Ибо я раб твой...

– «Раб твой» – кивнул, крестясь, Кирилл.

Помню ту непомерную любовь, которую ты ко мне имел, так возлюби же ею меня и поплачь обо мне многократно и ныне^{XIX}.

Кирилл стоял, прижав персты ко лбу.

– Это ты Стефану молился? Всё к нему одному?

– Как к живому...

– Господь даст глагол, – неожиданно для себя самого сказал Кирилл и, чтобы скрыть неловкость, уставился в низенькое оконце.

По двору торопливо семенил, путаясь в кожухе сын послушницы. Снега за ночь напало так много, что мальчуган то и дело сбивался с тропинки.

Каждое утро после службы он приносил им трапезу. Пере-

ступал порог, шёл к столу. Кирилл опережал его, беря из рук снедь, и всякий раз словно нечаянно улыбался ему. Потупившись, отрок крестился на образа, торопливо кланялся и, топоча, убегал прочь. Дверь за ним хлопала, поднимая с порога морозную пыль, а Кирилл еще долго стоял и смотрел на таявшие на полу снежинки...

17

Великое княжество Тверское,
р. Волга, скит, в двух днях пешего пути
от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца студенья в 19-й день,
перед вечерней

С копьём наперевес. Белоризцы тогда и сейчас

Ложка сухо чиркнула по дну горшка. Кирилл, пристыжено кашлянул – сам не заметил, как все щи один взял да и выхлебал... Епифаний залиvisto рассмеялся, густо присаливая хлеб:

– Да не виновать ты себя, брат, монах добавки не попросит, но, сколько бы не положили, всё съест..

Печка между тем остыла, и дрова в сеньях были на исходе. Кирилл, взяв топор («Хоть так повинюсь за чревоугодие...»), взглянул на Епифания, но тот уж был далече – вновь склонился над рукописью. Позабытой осталась лежать

недоеденная краюшка..

«Жаждающий крови Едигей хитрил, чтобы против него не собрали даже небольшого войска, а сам в это время неустанно приближался... И город пришёл в страшное смятение. И побежали люди, забывая и об имуществе, и обо всём на свете. И поднялась в людях злоба, и начались грабежи... Это было страшное время, – люди метались и кричали, и гремело, вздымаясь в воздух, огромное пламя, а город окружали полки нечестивых иноплеменников. И вот тогда, в пятницу, когда день уже клонился к вечеру, начали появляться полки поганых, разбивая станы в поле около города. Не посмели они стать близ города из-за городских орудий и стрельбы с городских стен, а расположились в селе Коломенском. И когда всё это увидели люди, пришли в ужас; не было никого, кто бы мог противостоять врагу, а воины были распущены. И поганые жестоко расправлялись с христианами...»

Епифаний восстанавливал по памяти то ли погибшее в пожаре, то ли унесенное злоумышленниками «Сказание о нашествии Едигея». Не чувствуя холода, он ощущал леденящий душу бег времени, который стирает остроту пережитого, и торопился наверстать утраченное...

Вздыхнув, Кирилл отправился в лес один. Со всех сторон обступали мохнатые сосны, к которым с топором не подступиться. Надо было искать валежник. Присмотрев поваленное дерево, Кирилл нагнулся, чтобы нырнуть под заступившую

дорогу сосну, и замер. На развесистой лапе висел красный лоскут. Другой зацепился на выглядывающих из сугробов пучках лозы. Еще один грозил сорваться с берёзы. Тряпицы манили в чашу. Там мельтешила какая-то точка. Белая на белом, она почти сливалась со снегом, но выделялась на фоне чёрных стволов. Кирилл отступил за сосну и замер. Сквозь чашу, срывая с деревьев красные лоскуты, мчался сын послушницы. Вот вынырнул за буераком, вот мелькнул на бугорке, вот перепрыгнул через яму.

– Мама, правда, я белоризец?

– На тропе стояла Анисья. Малец подбежал к ней – он был в портах и белой рубахе – инокиня накинула на него кожух, и мать с сыном растаяли в позёмке...

Кирилл вернулся с вязанкой дров – такой, что самого из-за нее видно.

– Епифаний, ты про белоризцев слышал?

– «Побеждающий облечется в белые одежды», – ответил тот, не оставляя пера. – Убиенным за Слово Божие, души которых покоятся под небесным жертвенником, «даны были каждому из них одежды белые»¹².

– А монашье воинство^{XX} есть? На Куличках поговаривали, Пересвет и Ослябя из таких были...

– Тебе лучше о том знать, – пожал плечами Епифаний.

Кирилл развёл огонь и долго смотрел, как пламя бежит по сырой бересте, как шипит, закипая, снег, притаившийся

---

¹² Откровение Иоанна Богослова, 3:5, 6:11.

в поленьях, но всё ещё видел отрока в белой рубашке. Почему Глафира (Кирилл часто, забывшись, про себя так называл Параскеву) восстала против разговора о сыне послушницы?

18

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917 месяца студенья в 20-й день,
утреня

Две гривны за переем. Смерть у жертвенника

Послушник, кланяясь, вошёл в алтарь, почтительно приблизился к Антонию:

– Отче, к тебе гонец от князя!

– Веди! – удивился наместник, собиравшийся сойти с Престола^{XXI}.

Было чему изумиться. Князь Михаил Александрович – внук Михаила Ярославовича, того самого, лютой смертью казненного в Орде за непокорность, ни разу не был в Оршином обители, в Твери были монастыри, гораздо более достойные княжеских очей. Какое дело может быть у княжеского гонца?

Услышав гулкие шаги, обернулся: по пустому проходу шёл лысый чернец – тот самый, которого он однажды пустил в монастырь на постой вместе с двумя другими всадниками.

– Что ж ты чужим именем прикрываешься? – гневно спросил наместник, – какой же ты гонец?

– Самый что ни на есть настоящий, – не смутился Сатана. – Гонец от князя Свидригайло.

– Не знаю такого князя! – отрезал наместник.

Анджей-Андрей, взойдя на Престол, подошёл вплотную, тон угрожающе тих:

– Куда дел книжника – москвитянина Епифания? Сначала в лес отослал, а сейчас он где? Вспоминай быстрее, а то обитель твой запылает не хуже той пустыни, что сгорела. – Не давая волю рукам, грудью напирал на Антония. – Где он может быть? Небось, по всему лесу кельи понастроил?

– О том мне не ведомо, – вздернул сивую бородёнку настоятель, отступив от дарохранительницы.

Посох остался стоять прислонённым к стене.

– Раз тебе не ведомо, тогда назначь провожатого, который эти пустыни знает. За переём получишь две гривны, купишь в хозяйство лошадку.

– Сан имеешь, а обычаем похабен..

Гонец молча достал из верёвочной петли топор.

– Совсем осатанел, монах? Святому отцу в алтаре грозишь? – задохнулся от негодования Антоний и тут же сполз вниз, оставляя на жертвеннике^{XXII} алый след.

За трапезой хватились настоятеля. Догадались пойти в храм. Преданный друг Андроник приник к груди: ухо уловило едва различимый хрип. Приподняли голову, настоятель

приоткрыл глаза, увидел Андроника и прошептал: «Приблизься...» Тот наклонился.

– Предупреди Епифания, гостя... С ним Кирилл, трудник... Если живы, спрячутся... в пустыньке Окула... или в скиту у Параскевы... Где ещё...

Андроник хотел было переспросить, но Антоний уже отошел в мир иной.

– Что делать? Что же делать?! – растерянно повторял щуплый монашек, размазывая по лицу кулаками слёзы.

– Обычая не знаешь? – осерчал Андроник. – Убиенного отпеть, церковь на сорок дён затворить, потом помост вскопать, чтобы не осталась в храме за литая кровью земля, да еще и жертвенник, – кивнул на окровавленный столик, – отмыть, молитву сотворить, святой водой всё вокруг окропить.

Братия понуро закивала...

Оплавали свечи, пахло ладаном, инок тихим голосом читал над усопшим Антонием Евангелие. Андроник и горя, напряженно думал над предсмертными словами Антония. Почему об Епифании была его последняя и главная тревога? Почему убит Антоний? Позабывшись, стукнул посохом по полу и поймал на себе обескураженные взгляды: не пристало шуметь при покойнике. Андроник смутился. За ним водился такое: волнуясь, пускать в ход посох – это помогало думать. Привычку эту он приобрел в юности, когда у него в руках был железный щуп старателя, а потаённый ход, со-

крытый от глаз людских, был входом в другой мир...

Андроник шагнул в мрачную мглу храма и остановился: казалось, теперь на всём вокруг, даже на иконах, лежала печать напрасной^{XXIII} смерти. Вот здесь лежал Антоний у перевернутого жертвенника. А вот здесь, у дарохранительницы, и сейчас стоит его посох. Стало быть, когда вошел убийца, наместник находился у дарохранительницы. Андроник, открыв ковчежец, приблизил свечу: лежат, как и прежде, запасные дары, предназначенных для причащения больных. Заглянул на самое дно... Слежавшийся пергамен развернулся не сразу. Андроник поднес первую из страниц к свече и прочёл: *«Исповедальная записка...»*

Он никогда уже не услышит голос Антония, но с ним теперь его живое слово. Хотел было уйти – зацепился за посох. Тот с гулким стуком упал. Взялся за рукоять и вдруг почувствовал: она изогнутая, с опущенными вниз концами. Но у посоха Антония рукоять была прямой!

Затворившись в келье, погрузился в воспоминания Антония. Лишь однажды Андроник прервал чтение, когда прочитал про себя самого: *«Старик споткнулся, череп упал и рассыпался в прах»*. («Вот значит каким я тогда казался!»)

Андроник отложил рукопись и закрыл глаза. Он словно снова стоял у этого обугленного лаза, в котором нашёл свою Любушку. Они прятались в хитросплетении подземных ходов, чтобы родители ненароком не узнали, что боярская дочь встречается с нищим подмастерьем, у которого повадки кро-

та. Влюблённые не знали, что их «тупик для встреч» на самом деле был одним из слухов. Там они и стали нечаянными свидетелями того, как надсадно сопевший толстяк оставил под привальным камнем – план подземного устройства кремля. И это тогда, когда близ стен войско Тохтамыш! Решили, что Андрон найдет князя и раскроет заговор, указав на злоумышленника, которого успел рассмотреть. Уговорились, что Любаша будет дожидаться... Хмельная дворня хочоча сказала, что Дмитрий Иванович сбежал. Андрон сунулся было к воеводе, но вместо него наткнулся на того, кто и прятал записку. Это был боярин Василий Румянец... Андрон нёсся, не чуя под собой ног, а столб чёрного дыма выползал из лаза толстым, удушливым змеем. Любушка была там, где он её оставил. Успев обрадоваться, взял её на руки – она рассыпалась в его объятиях...

Андроник представил себе Антония, сидящего в своей келье с пером в руке. Улыбнувшись вошедшему, он привычно переворачивает лист чистой стороной вверх... Если бы не насильственная смерть, следовало бы подождать сорок дней, прежде чем трогать вещи усопшего. Тогда, но не сейчас. Андроник, прихватив посох, пошёл к келье. Сердце колотилось в его груди так, как оно стучало, когда он шестнадцать лет назад бежал к потайному лазу, чувствуя, что опоздал.

Тихо потрескивая, в божнице мигала лампадка. На твердом ложе (настоятель спал на голых досках) лежал истончён-

ный войлок. Антоний укрывался им ещё тогда, когда был ратником. На подставке покоилось Евангелие. Горкой лежали остро отточенные перья. И ни листка нигде. Впрочем, почему же нигде? Все свои тайны монах прячет за иконостасом. Андроник шагнул к божнице...

19

Исповедальная записка

настоятеля Оришина монастыря

игумена Антония о событиях

в год 6898 в месяце страднике 23-го дня¹³

Я проснулся и вышел во двор в мрачной уверенности, что прошёл ещё один день моей жизни. У каждого бывает такое утро, когда вместо того, чтобы радоваться тому, что ещё жив, начинаешь думать о том, сколько уже прожил, а следом приходит и мучительный вопрос – зачем жил....

Нарождающееся утро было безветренным и беззвёздным. Лишь яблоки свисали с ветвей зелеными полнолуниями. Рассвет пребывал в такой тусклой медлительности, что даже звуки вязли. По крайней мере, стучавшему пришлось изрядно потрудиться, прежде чем вратарь, очнувшись от дремоты, открыл засов. Возглас, который он издал, заставил и меня оставить созерцание незрелых плодов. В воротах стоял Евфимий. Я велел вратарю срочно разбудить Андроника, а сам повёл архиепископа в дальнюю ке-

---

¹³ 23 июля 1390 года от Рождества Христова.

лю, которая уже восемь лет носила название «митрополитской». Владыка, нахохлившись как больной воробей, молча лёг лицом к стене.

Я не знал, что думать. Мы жили своей жизнью, а князья и архипастыри – своей. С большим опозданием до меня дошли слухи о том, что преставился московский князь Дмитрий Иванович и о том, что его сын Василий признал Киприана митрополитом всея Руси. Что из того? Мне не нужно было прилагать усилия к тому, чтобы представить себе Киприана владыкой всех и вся, хотя и не мог вообразить князем того мальчика, что искал непродажных друзей. Но все эти перемены во внешнем мире меня не заботили. А вот появление Евфимия озадачило. Последний раз я был в Твери под Рождество, и там мне сказали, что владыка ещё позапрошлой зимой после очередной ссоры с князем Михаилом Александровичем удалился в монастырь, и епархия пребывает без архипастыря. Тогда как понимать появление Евфимия на пороге нашей обители?

Ещё толком не проснувшийся Андроник ждал распоряжений. Ну что ж, они были крайне просты: истопить баню и накормить гостя. Чем? Ну конечно же, капустой. С той поры, как мы попотчевали митрополита «монастырской курицей», не было ни одного неурожайного года на этот овощ. Заскрипел колодезный ворот, с кухни донесся звук передвигаемой посуды, застучали топоры, потянуло дымком от бани...

Среди всей этой суеты мы не сразу услышали, что в ворота опять стучат. Поскольку вратарь на заднем дворе помогал рубить дрова, отпираться пошёл я. Бог не обидел меня ростом, но конный всегда выше пешего, особенно если на всаднике митрополичий клобук. Снизу вверх я смотрел на Киприана, а он сверху вниз – на меня. Мы оба молчали. А что говорить? Я отступил, пропуская знатного гостя. Следом за ним въехали и его спутники. Во дворе стало тесно от клобуков, мантий, крестов. Обведя взглядом приезжих, я все же нашёл среди них ещё одно знакомое лицо. Это был Афанасий – тот самый молчаливый диакон, который отправился за Киприаном в изгнание. Рядом спешивались двое. То ли облачение на них было роскошнее, то ли лицо смуглее, то ли борода кучерявее, но они ещё не раскрыли рта, а было ясно – греки. Один из них, сверкнув белыми зубами, сказал что-то весёлое. Всадник – единственный, кто был без клобука – ответил. Греки рассмеялись. Улыбнулся и митрополит.

Не знаю, почему, но я не мог оторвать взгляда от всадника, отчество которого затруднился бы определить: он не казался мне ни русичем, ни греком; волосы, напоминавшие спелую розь, были густо подернуты сединой; иней лежал и не таял на бровях, сошедшихся на переносице, на длинных усах, переходящих в белую бороду.. Из созерцательного забытья меня вывел голос митрополита: «Завтра собор в Твери, вот я и решил воспользоваться оказией, приехав накануне. Как, Антоний, моя келья ещё не занята?» Я мечтал

только об одном – онеметь. «Свободна она, владыко!» Позади меня стоял Евфимий. «Ну вот, теперь уж точно все в сборе, – не растерялся митрополит. – Можно собор проводить». Я никогда по-настоящему не понимал отшельника Окула, но сейчас жаждал оказаться на его месте, причём немедленно.

Между тем и трапеза, и баня уже успели. Я с облегчением известил всех пастырей и архипастырей о том, что после дороги им есть где и пыль смыть, и голод утолить. Афанасий, видно, ещё не забыл нашу «монастырскую курицу». Пока другие в очередь выстроились у парилки, он принёс в трапезную подорожники: трудоноши, листни, рыбники. Всё это наш повар благодарно принял, а вот от кваса наотрез отказался.

«Нет уж, вы нашего, оришинского, отведайте, – и поставил на стол запотевшие жбаны, полные житнего, медвяного, яблочного и яшиного кваску, – а вот эти два прошу заметить особо, они с изюмом и мятой». Гости, обновленные после бани, не заставляя себя уговаривать, расселись в трапезной. «Ну что, хлебосольный хозяин, – обратился митрополит ко мне, – читай молитву». – «Позволь, владыко, – Евфимий махнул мне рукой, повелевая мне молчать. – Я на соборе решил не говорить ни слова, так что всё, о чем я передумал за эти два года, когда был вынужден удалиться в затвор, скажу сейчас...» – «Вот и потрапезничали», – Киприан, пытаясь скрыть раздражение, отодвинул от себя

миску. Евфимий еле заметно усмехнулся и повернулся к образам. «Отче наш, Иже еси на Небесех!.. – Владыка произнес молитву на одном дыхании. – Аминь. Господи, помилуй. Господи, благослови». Евфимий поклонился иконам, выразительно посмотрел на митрополита и взялся за ложку.

«Обиделся, Евфимий? – митрополит положил подбородок на большие пальцы сложенных будто для молитвы рук. – На меня, который тебя судить приехал? На князя, с которым ты в многолетней ссоре? На паству, которую ты на три года без окормления бросил?» Евфимий устало потёр руками лоб: «Прости, владыко, я действительно не чаял тебя здесь встретить. Перед завтрашним днём с силами собраться заехал, устал с дороги. Я ведь с монастыря пешим шёл. И молитву сейчас прочитал лишь затем, чтобы подчеркнуть тебе – зла ни на кого не держу, архипастырем в дальнейшем себя не вижу, не по мне это, уволь». – «А говоришь, что зла ни на кого не держишь, – усмехнулся Киприан, усмешка эта ему далась нелегко, иначе не побелели бы так кончики пальцев прижатых друг к другу ладоней. – Ведь я первый твой упрек на свой счёт принять готов. Митрополит всея Руси – миротворец промеж всеми князьями литовскими, русскими, киевскими... Хожу, кланяюсь, договариваюсь и – слышишь ты, отишельник! – не стыжусь этого!» – «А я не договаривался? – вскинулся Евфимий. – Кто через войска из осаждённой Твери к московскому князю шел просить мира вместо Михаила Александровича? Я ходил с по-

корением и поклонением. Заметь, по просьбе самого тверского князя. И он же меня потом этим попрекал, дескать, был принят под диктовку Димитрия Московского. А на каких ещё условиях может быть заключен мир с победителем?» Я невольно вспомнил приезд Киприана в Москву, коему был свидетель и участник. Неужели митрополит забыл, как ему самому кричал в спину князь Дмитрий Иванович: «Чужеземца – из Москвы вон!..»

Евфимий же между тем решил поставить последнюю точку и, сам того не подозревая, слово в слово повторил то, что некогда сказал сам Киприан: «Я не воин, а епископ!» Митрополит, за весь разговор не изменивший позы, переспросил: «Не воин, говоришь? А может, и не епископ? Только ты вот на него взгляни, – Киприан кивнул на своего седого спутника, – он, ища епископа для своей епархии, неожиданно сам сделался архипастырем. Так, Стефан?» – «Так, владыко. Епископом поставил меня Пимен, – Стефан, извиняясь, слегка поклонился в сторону Киприана (положение и вправду неловкое, когда при нынешнем митрополите поминают низложенного предшественника). – Бога ради и ради спасения новокрещённых людей». – «Язычники и идолопоклонники твои новокрещённые люди, – незлобиво уточнил Киприан. – Сколько раз они тебя съесть и умертвить замышляли, сколько раз с дрекольем ходили, с палками, с дубинами...» – «Так и у меня посох», – рассмеялся Стефан, приподнимая над столешницей высокий с перехватами жезл, увенчанный

крепкой рукоятью. — «А почему сулка^{XXIV}, как полагается, нет?» — «Так ведь мёрзнут ленты да бахрома на морозе», — невозмутимо отвечивал Стефан.

Киприан, мельком глянув на свой золоченный, со змейками и драгоценными камнями посох, счел необходимым вернуться к главному: «Евфимий, вольно или невольно, но ты презрел свой долг архипастыря. Князь — один из твоих духовных чад». — «Ох уж нет, — не вытерпел Евфимий, — не годится этот старый лис на роль ведомого дитяти. Потом, ты уж прости мне, владыко, за напоминание, но ты и сам не больно-то успешно Димитрия нянчил». — «Ты прав, — согласился Киприан. — Я не смог быть для Димитрия тем, кем был для него Алексей, который держал в своих руках бразды не только церковного, но и великокняжеского правления. Для архипастыря это стезя опасная. Призванный учить миру и согласию, он оказался вовлеченным в войны, брани и раздоры, за что и упрекал его Патриарх Константинопольский. Я Алексею не судья, но и не ученик. Последний раз спрашиваю тебя, Евфимий, будешь с князем мириться?» — «Ни за что! Хочу жить под Богом, а не под князем».

В глазах Киприана сверкнул гневный укор: «В великие молчальники и печальники попасть норовишь? Только мне вот невдомек: если миряне опасаются, потому что у них жёны и дети, стяжания и богатства, то вы, отрёкишеся мира и живущие одному Богу, как, видя такую злобу, молчите? Если ты желаешь добра душе великого князя и всей его от-

чине, зачем ты безмолвствуешь^{XXV}?»

Стефан погладил рукоять посоха: «Владыко, в тебе сейчас говорит старая обида на Сергия. Я думаю, Преподобный знал силу духа твоего и знал волю сил высших. Возможно, он хотел, чтобы мерилом для тебя стало осознание всей тяжести ответственности? Сергий никогда не молчит просто так». – «Да, вышло по его. Я выпил эту горькую чашу до дна. Один. Но ты к чему сейчас это вспомнил? Чтобы за него заступиться? – митрополит ткнул пальцем в Евфимия. – Так пусть он с тобой местами поменяется, ему там, среди твоих снегов, отшельничать сподручнее будет. А ты здесь, подле меня, останешься, будем Русь своей духовной властью укреплять и объединять». – «Среди моих снегов, – усмехнулся Стефан, – отшельником быть не получится. Да и я, отче, вряд ли тебе здесь сгожусь: не умею чинить готовое, проще уж начинать с начала. Прости...» «Ну тогда ты, Антоний? Сколько можно в настоятелях ходить!» Я посмотрел на Евфимия... Я? На его месте? «Прости мне, владыко, – ответил я чужими словами, – ты хочешь возложить на меня бремя выше меры, но ты не найдёшь во мне того, что ищешь^{XXVI}. Киприан, несомненно, знал, кому принадлежат эти слова и по какому поводу они сказаны. Утратив ко мне интерес, он повернулся к греку-архидиакону. Тот как раз в потянулся к жбану. «Арсений!» – сурово приговорил митрополит. – «Нет!» – квас, расплескавшись, обдал всех мятным духом. «Не блажи, Арсений. Один Юстиниан

*остался, так ему к патриарху на доклад поспешать надо». Второй грек, подняв брови, изрек что-то витиеватое. «Каж-
дому свое дело^{XXVII}», – усмехнувшись, кратко перевёл Сте-
фан.*

*Евфимий встал из-за стола и с облегчением перекрестил-
ся: «Слава Богу, пойду я». – «Что значит, пойдешь? – на-
хмурился митрополит. – Это уж собор завтра решит, куда
тебе идти». – «Знаю и буду в означенный час, но сейчас-то я
свободен..» Он ушел, проскользнув в полуотворенную створку
ворот так тихо, что вратарь его даже не заметил
и не почтил прощальным поклоном... «В Спасо-Каменный-
^{XXVIII} его, – Кириан стукнул посохом. – Но если на соборе
тих будет, тогда в Чудов».*

20

Московское великое княжество,
р. Волга, скит, в двух днях пешего пути
от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца студенья в 25-й день,
полунощница

*Между черницей и чернецом. Молчальник или пособник?
Снова бежать!*

От матушки Параскевы Кирилл возвращался в унынии.
Настоятельница указала на дверь.

– Сегодня же, после заката!

– Опомнись, матушка! К чему такая горячка? Вести худые дошли до тебя?

– Ничего не ведаю, – поджала губы Параскева. – Что чернец чернице наедине сказал, то меж ними и умерло.

Хотел возразить – монахини, шикая, замахали руками, как вороны крыльями. Побрёл в келью... Там Епифаний, как одержимый, работал.

«Так, казня нас, Господь смирил гордыню нашу. Так сбылось над людьми прежде бывшее знамение, когда в Коломне от иконы потекла кровь... И множество людей погибло, а иные от холода поумирали, ибо тогда, на погибель христианам, зима была лютая и стужа превеликая...»

– Тебя преследуют? Почему?

– Так ведь нашествие... Мать, дитя хватает, книжник – книги.

– Может и так, только ты не особо огорчился, когда книги исчезли?

– Не сожгли, и то ладно. Написанное остаётся.

В дверь поскреблись. Оказалось – Анисья.

– А Борис где? Он же нам обычно еду носит..

– В ученики сыночка отправила.. Пора пришла..

– К белорусцам? – наобум брякнул Кирилл, но Анисья словно не слышала.

– Здесь и сыр вялый, и караваи с рыбою, и трудоноши. Ничего, что скромное, вы теперь путники. Вот вам ещё! –

и она протянула посох.

– Откуда он у тебя? – смешался Епифаний, машинально отметив, что рукоять обернута сулком, чего раньше не было.

– В Орше, где вы до нас были, настоятеля зарубили, а отец Андроник возвращает твою вещь с предостережением. Бежать вам надо, бежать!

Анисья задувала свечи, храм медленно погружался в темноту. Вот уже рассеялся дымок погашенных свеч на анало-е^{XXIX}... Она дошла уже до кануна^{XXIX}, как из алтаря вышел монах. Его облачение сливалось со мглой, Анисья лишь слышала скрип сапог.

– «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»¹⁴ – монах требовательно протянул Анисье руку для поцелуя. – Я знаю, на твоей душе есть совершённый и нераскаянный грех, о котором ты сама не подозреваешь. Я хочу отпустить тебе твоё прегрешение невольное – ведь так, дочь моя? – через особую разрешительную молитву.

– Мне завтра на исповедь, я говею^{XXX}...

– Не должно отлагать времени своего исправления, завтрашний день неверен для нас, иные, замыслив многое, не дожили до утра. Вот и ты утаила грех.

– Нет, я покаялась. Матушка меня поругала, а сыночка

---

¹⁴ Евангелие от Иоанна, 20:22—23.

до отрочества при себе держать позволила, он в страхе Божиим возвращён...

Сатана недоуменно посмотрел на неё.

– Бог не ждёт, чтобы мы были безгрешными, – наконец произнес он. – Единственное, что от нас требуется, – это чтобы мы, осознав свою греховность, устремились на путь покаяния. Я о пришельцах. Ты им помогла бежать, так?

Послушница молчала. Сатана улыбнулся: немота так красноречива.

– Куда они побежали, ты знаешь? Я спрашиваю лишь потому что переживание и раскаяние невозможно без свидетеля.

– Он говорил о затворе, где юность прошла...

Под усами исповедника промелькнуло подобие улыбки:

– *«Господь и Бог наш Иисус Христос...»* Отпускаю. Теперь тебе следует молиться в тишине и молчании до утра. Это исцелит твою душу, болящую грехом, – и выскользнул из церкви.

Промучившись сомнениями всю ночь, Анисья на утро кинулась к матушке Параскеве. Та по обыкновению страдала от недуга:

– Что припозднилась, погибели моей хочешь? Разотри ноги, онемели совсем.

Та кинулась на колени и, глядя дрожащими пальцами холодные, скрюченные ступни, всё рассказала.

– Не хотела я, матушка!..

– Не хотела, а предала, дура окаянная! – ткнула в неё по-сохом игуменья. – С глаз моих вон!

Анисья кинулась опрометью из кельи. Морозя босые ноги (опорки скинула, когда в келью входила), увязая в сугробах, добежала до колодца, перевесилась.. Но, вспомнив матушкины слова «Ежели в колодезь попадёт жабадохлая илимышь – вылить из него сорок ведер, а сам покропить святою водою», остановилась. Сняла с себя апостольник, завязала на срубе – когда искать станут, догадаются, где она. И уж только потом кинулась в непроглядную тьму.

В последней вспышке она успела увидеть, как из ярко-зелёной рощи ей навстречу топает маленький сын. Белая рубашка ему не по росту, поэтому он запинается и падает. А она тянет к нему руки и смеётся от счастья, потому что это его первые шаги...

Глава II. Григорьевский затвор

1
Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 69181 месяца просинеца в 18-й день¹⁵,
повечерие

*После долгой разлуки. Правда неизреченная. Мученич-
ская смерть книг. В поисках укрытия*

В затворе приютили беглецов без лишних вопросов. Кирилл игумен поселил в пустовавшую труднишную, а Епифанию освободил ту самую келью, в которой тот жил ещё в отрочестве. Казалось, стоит смежить усталые веки – раздастся ломкий юношеский басок Стефана и его притворно строгий окрик: «Когда же ты перестанешь досаждать мне, Епифаний!».

Епифаний отложил перо: нить рассуждений, которую он терпеливо распутывал, снова потерялась в клубке противоречий и недомолвок. В поисках поддержки он обвёл взглядом родные стены, отыскивая на потемневших бревнах зна-

---

¹⁵ 18 января 1410 года от Рождества Христова.

комые сучки. В отрочестве ему нравилось угадывать в лучистых изгибах незаконченные портреты, в которых изограф успел лишь нарисовать самое главное – глаза. Эта игра особенно удавалась на закате, когда багровый отблеск подчеркивал выражение: тогда грустные становились печальными, добрые – кроткими, лукавые – злокозненными..

Ломило спину.. Епифаний встал – по телу разлилась блаженная усталость: он только сейчас вспомнил, что сел за работу на рассвете. Предметом его бдений была та самая книга, которую спас на пожаре Кирилл. Захватив её с собой, Епифаний спустился с крыльца.

Вернувшись в затвор после долгой разлуки, он сверял свои воспоминания с тем, что открывалось взгляду. В восточном крыле, где его поселил игумен, как и прежде, размещались десять братских келий, а в западном располагалась иконописная мастерская. Епифаний запрокинул голову вверх – колоколенка уже не казалась столь высокой как тогда, когда он смотрел на нее двенадцатилетним отроком. А вот саженыцы стали садом. Уезжая из затвора в Троицу, Епифаний оставил их робкими прутиками, теперь же они заслонили собой заснеженный погост. Мальцом Епифаний избегал ходить мимо могильных плит. Если его посылали к амбарам у тына, он петлял между фруктовых деревцев и возвышавшимися над ними караульной, гостиной, труднишной. Теперь яблони в заснеженных шапках казались великанами, а кельи – игрушечными избушками, примостившимися под

их сенью. Епифаний свернул направо, к восточному приделу церкви. Дорогу сюда он нашёл бы и с завязанными глазами...

В книгохранилище витал лёгкий аромат киновари и чернил. Казалось, даже сам воздух был того же свойства, что и громоздившиеся здесь на столах и стеллажах свитки, пергамены, огромные, тяжёлые изборники. Всё здесь было словно настояно на веках: береста напоминала о прошлом, бумага возвращала в настоящее, а пергамен служил связующим звеном между ними. Рукописная мудрость была растворена в свете свечей, в потемневших рубленых стенах, в отполированных локтями писцов и чтецов столах... Положив свою книгу на край лавки, Епифаний взял изборник, лежавший в стопке сверху, раскрыл. В глаза плеснуло киноварью заглавных букв: «Поучение душеполезно... князем и бояром, всем правоверным христианом, христоименитым людем митрополита всея Руси...»^{XXXI}

Имя митрополита было прилежно выскоблено. Епифаний грустно усмехнулся: исходно должно было стоять имя Митяя, нареченного Михаилом. Но указание его авторства, по мнению переписчика, лишило бы сочинение необходимой авторитетности. Прав был Киприан, когда отмечал в «Повести о Митяе» враждебность княжеского любимца к монахам и игуменам. И все же было в нём то, что могло примирить его со многими в Москве, – дерзновенная мысль о полной автокефалии^{XXXII} русской церкви. Киприан же всеми средствами старался сохранить митрополию единой, да-

же тогда, когда не стало его главного вдохновителя и защитника – Константинопольского патриарха Филофея...

Епифаний погрузился в размышления настолько, что не сразу заметил хранителя Алферия, который хоть и был горбат и стар, но зоркости и проворства не утратил. Бесшумно вынырнув откуда-то из-за ларей с рукописями и едва глянув на открытую книгу, тут же угадал невысказанные мысли Епифания:

– Сомнения при исправлении и переписывании мучительны и тяжки.

– Но, отец Алферий, разве потомки наши не смогут, усомнившись, отыскать преданное забвению или обойденное глубоким молчанием? Разве не писал Василий Великий в своем поучении: «Будь ревнителем праведно живущих и имена их, и жития, и дела записывай на своем сердце»?

– «Праведно»! – поднял дрожащий перст Алферий. – Обязанность непрерывной летописи тяжких времен утешать сердца, поучать их, а не запутывать. В нашем затворе мы свой иноческий долг книжников видим в том, чтобы, сберегая слабые искры византийской образованности, дать духовенству свидетельство похвальное и справедливое.

– Знаешь, Алферий, а я когда пишу, нет—нет да и думаю: как обойдутся с выстраданным мною переписчики? Дерзнут ли исправить по своей или чужой воле? Вдруг написанное кому-то покажется неудобным из-за того, что я так много высказал против неблагочестия, случившегося на нашей

земле?

– Летописец должен быть беспристрастен. А ты оцениваешь!

– А какая же справедливость без истины?

– Помилуй бог, «что есть истина?»^{XXXIII} – отмахнулся раздраженно Алферий.

– Но разве не должны мы, не оскорбляясь и не ожидая почитания, поступать так же, как Начальная киевская летопись, которая, ничего не тая, описывает все бренное земное? Да и наши первые властители, не гневаясь, повелевали описывать все происходящее, доброе и худое, что и другим после них образцом будет; таким был при Владимире Мономахе великий Сильвестр Выдубицкий, писавший без прикрас и скончавшийся в почете. И мы этому учимся – не проходить мимо всего того, что случилось в наши дни, чтобы властители наши, узнав об этом, внимали бы таким делам: пусть молодые почитают старцев и одни, без опытейших старцев, ни в каком земском правлении не самочинствуют, ибо «красота града есть старчество»^{XXXIV}.

– «Спроси у отца своего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и они скажут тебе»¹⁶, – Алферия память подводила во всем, кроме Писания. Тут он заметил на крае стола книгу: – А это что за Служебник? Это не наш. Ты принёс?

– А вот как, отче, нынешние затворники нарекут его: по-

---

¹⁶ Ветхий завет. Второзаконие, 32:7.

гречески Тетроевангелием или по-русски Четвероблаговеством? – едко спросил Епифаний.

– И ты заметил, что в затворе уже не то, что прежде? – вздохнул Алферий. – Печаль не в том, что славянский язык вытесняет греческий, а в том, что на самой духовной традиции лежит тусклая печать запустения: Русь – под Ордой, Византия – под крестonosцами. Вот и в затворе эллинистическое научение языкам, богословию, философии и иконописи скудеют. А ведь ещё в минувшем веке не то что архипастыри и монахи, иные князья и бояре книжниками были изрядными. А нынче вместо учёности – грамотность, да и то наполовину – читающих по-гречески осталось совсем мало. В такие мрачные годы самое место монастырскому подвигу, в котором книги – насущная потребность...

Стефан с грустной нежностью смотрел на Алферия. Ещё когда они со Стефаном были в затворе молодыми послушниками, хранитель казался им старцем, и только теперь, спустя сорок лет, Епифаний вдруг понял, как молод был тогда хранитель. («И зачем я только затеял с ним этот ненужный спор?»)

Епифаний пошёл вдоль полка, перебегая пальцами с корешка на корешок.

– Старые знакомые? – кивнул хранитель.

– Больше чем знакомые – наставники, друзья, как и ты, Алферий...

– Дашь глянуть книгу? – выцветшие глаза хранителя све-

тились надеждой.

Епифаний застыл. В нём ещё эхом звучали слова хранителя: «Обязанность летописи... поучать, а не запутывать». Смутившись, спросил, глядя на полки:

– За те годы, что меня тут не было, пополнилось хранилище?

– Какое там, многих книг лишились прошлым летом в пожаре. Огонь опустошил Великий Ростов. Сгорело пятнадцать церквей. Успенский собор пострадал, священные облачения, украшения, иконы. Так пламя бушевало, что камни оплавилась и верх церковный едва не провалился. Затвору тоже досталось.

– Иным книгам, как и людям, плетутся венки мученические. А Стефановы книги? Что-нибудь из его трудов уцелело? Из тех что переписал или сочинил?

– Все претерпели немало, – уклончиво ответил Алферий, в глубине души обидевшись на Епифания за то, что тот так и не показал ему свою книгу.

2

Пояснительная записка

*хранителя книг Григорьевского затвора Алферия
о событиях в год 6904 месяца зимобора 25 дня¹⁷
и о том, что им предшествовало*

---

¹⁷ 25 марта 1396 года от Рождества Христова.

Накануне того достопамятного и тревожного дня я, недостойный инок, с Божией помощью вернулся с Афона, куда ездил по благословению владыки для собрания книг и рукописей. Подобно тому как человек на чужбине понимает, что значит для него отчина, так и я, невежда, уразумел, побывав в Святой Горе, что соверши я свой жизненный путь, минуя Григорьевский затвор, тщетны были бы все мои усилия.

Я был поражен сходству: оказывается, мы в Ростове читали тех же святых отцов и те же жития святых, что и наши греческие братья. Если чем и отличались наши книгохранилища, так это подбором богословских полемических трактатов. До сего времени мы были ограничены в их выборе, за исключением сочинений непосредственно имеющих отношение к нашей митрополии, а также некоторые scholia Максима Исповедника, переведённые афонским монахом Ис-айей и собственноручно переписанные нашим митрополитом Киприаном. Ныне и этот пробел будет устранен благодаря щедрости, которую проявили настоятели святогорских монастырей, поделившись с нами означенными трудами.

Мне не терпелось соединить сочинения, привезённые с Афона, с нашими собраниями. Но прежде следовало обновить опись находящихся в затворе книг. Скромный запас свеч не располагал к расточительности, потому пришлось дожидаться рассвета. Сотворив утреню с поспешностью,

которая была бы непростительной в любом ином случае, с первыми лучами приступил я к волнительному занятию. Многогрешный и непотребный раб, я касался своими руками редчайших сокровищ! Этими книгами владели князья ротовские, передавая от отца к сыну. Их блюли архипастыри, которым перепоручили последние потомки великого рода, чтобы наследие не покинуло отчины. Их, спасая, везли к нам со всей многострадальной Руси.

Перебирая свиток за свитком, разглаживая пергамены, беря книгу за книгой и ощущая увесистую толщю их обложек, я чувствовал себя так, словно пожимал руки давних друзей, а метче сказать – учителей, ибо Бог сотворил не только небо, землю и все сущее на ней, но и три самых важных из искусств – грамматику, риторiku, философию. Нельзя вдохнуть в душу Слово, оставив бесплодным ум.

Увлечись, я и не заметил, что в книгохранилище кроме меня есть ещё некто. В том, что я увидел его не сразу, нет ничего удивительного. Если кто-нибудь не знает, я горбун. Сам по себе упомянутый телесный изъян является для книжника дополнительным удобством, ибо зачем склоняться над письменами тому, кто и так в три погибели согнут? Мой нос всегда на одном уровне с книгой, на какой грядке она бы не стояла, а брeнное тело – на приставной лесенке, с которой расстаюсь только тогда, когда сплю. Но в то мгновение, когда меня окликнули, я трудился вовсю: взобравшись на предпоследнюю перекладину, я переписывал

названия книг, располагавшихся под самым потолком.

«Отец Алферий!» – голос не принадлежал ни одному из монахов затвора, но в то же время было в нем нечто такое, что не позволяло причислить его к чужим. Я начал неспешно спускаться. Лестница удобна еще и тем, что она позволяет не только набирать искомую высоту, но и снижать её с не меньшей точностью. Опустившись на четыре ступеньки вниз, я оказался вровень с бородой воззвавшего ко мне гостя. Она была длинной и седой. Мне пришлось вернуться на одну ступеньку вверх. И тут мне показалось, что времена сместились: этот пристальный взгляд я чувствовал на себе всякий раз, когда пытался выпроводить из книгохранилища засидевшегося над рукописями молодого монаха. Да это же Стефан Храп! «Прилежен к чтению – прилежен и к молению...» Сколько раз поторапливал я его, засидевшегося до полуночи, именно этими словами? И сейчас – сомнений не было – передо мной стоял именно он. Поседевший, но всё же прежнее, с тем же книжным разумом в карих глазах. Пожалуй, они за эти годы посветлели. Так яснее вода в роднике, когда её подёргивает первый прозрачный ледок. «Здравствуй, отец Алферий, – повторил он, – я к тебе на поклон приехал». Даже если бы я попытался скрыть удивление, у меня бы не получилось. Для чего может понадобиться епископу Пермского края хранитель книг Григорьевского затвора? Но я не стал торопить его вопросами, просто сидел на своей стремянке и ждал. Если человек сам

выучился редчайшему языку и сочинил невиданную грамоту, то и сейчас он знает для чего пришёл. Так оно и было.

«Ты ведь знаешь, отец Алферий, что труд, которым я занимался, – книгописание, – начал он. – Ты и сам немало здоровья потратил, читая и переписывая святые источники. Вот и у меня это было постоянным делом все мои годы. Днем я занят, а вот ночами немало с русского языка на пермский перевел, да и с греческого тоже. Пермская грамота мне привычнее и... надежнее эллинской и русской. Вернись, я уж и думать по-пермски стал, кое-что из мыслей своих записал. Возьми и попытайся сохранить».

«А почему не отдашь Епифанию? Разве вы не духовные братья?» – «Потому у него первого искать и будут. А если кто-нибудь у тебя спросит, что это за грамотки, то ты им, пытливым, правдиво ответишь: „Не могу ни разъяснить, ни растолковать, ни переложить“. Пусть мысли мои в книгохранилище своего часа ждут. А я, когда время моего ухода настанет, буду знать, что попытался сделать то, что сделал». – «О каком уходе ты говоришь?» – «Все на земле живущие умирают...» XXXV

Я сделал перед самим собой вид, будто не придавал значения этим его словам. На самом же деле все внутри меня умерло, таким тоном он это произнес. В его словах не чувствовалось ни страха, ни боли, ни тревоги. Ничего! Наверное, это было дыхание смерти, её безмолвный и скорбный вздох.

Было время, когда я заблуждался, думая, что знаю Сте-

фана Храпа как никто другой. По монастырскому правилу, вступивший в обитель новый инок вверялся старцу, который старался воспитать в послушнике смиренномудрие, ибо умерщвление воли есть источник всех добродетелей. Стефан был препоручен мне, как книжник книжнику.

С необычайным тщанием принялся я составлять монашескую азбуку моего подопечного: после Псалтыри, Евангелия с Апостолом я отложил превосходные писания Святого Саввы Дорофея, потом Святого Иоанна Лествичника.. Когда собрание пергаментных манускриптов, выложенных на отдельный стол, угрожающе накренилось, я решил, что для начала довольно.

Итак, читай, инок, желающий спастись, читай книги святых отцов, и понуждай себя на делание того, что они пишут, ибо чтение – источник чистой молитвы. И Стефан Храп читал, как никто другой, со всепоглощающей участливостью. Но если я и был удовлетворен своим учеником, то собой как наставником я довольствоваться не мог. разве можно научить побеждать свои желания, принуждая читать инока, для которого это занятие – высшее наслаждение? Надо было приказать ему делать нечто, к чему он не испытывает расположения. Возможно, надлежит обязать его переписывать священные книги? Не приступить ли к самому трудоемкому – к учительному Евангелию, сопровождавшемуся толкованием византийских экзегетов? Три дня кряду я с удовольствием зрел согбенную спину моего под-

опечного, он поднимал голову лишь затем, чтобы долить чернильницу. На четвертый день я вдруг заметил, что манускрипт, с которого он списывал, отодвинут в сторону, а на его месте лежит раскрытая книга.

Предчувствуя неладное, я подошел, чтобы убедиться: он сверялся с Новым заветом, подаренным затвору афонскими монахами, и, стало быть, написанным по-гречески! Я задохнулся от возмущения и ужаса, но все же постарался выглядеть рассудительным: «Чем ты занят?» Он не испугался и не смутился, хотя и был застигнут врасплох: «Вникаю..» – «А древлерусский список Библии для тебя не самодостововерен и не богодухновенен?! А тебе известно, что Господь оберегает паству от мудрствования? Ибо сказано: «вы взяли ключ разумения; сами не вошли и входящим воспрепятствовали»¹⁸. – «Но, отче, разве это грех – понимать не только славянские, но и греческие книги?»

Мне невыносимо стало продолжать стоять и смотреть на него снизу вверх. Суть даже не в том, что я на сей раз был без своей спасительной лесенки, а в том новом знании, которое я чувствовал в своём ученике. Страшась продолжить, я всё же понимал, что это необходимо. Но сначала мне надлежало обрести хотя бы внешнюю уверенность. Я вернулся в свой угол, где работал, взобрался едва ли не на самую верхнюю перекладину лестницы и спросил оттуда: «Ты помнишь, что обязан открывать помыслы, как только они воз-

---

¹⁸ Ср. Евангелие от Луки, 11:52.

никнут, своему наставнику на пути Божиим?» – «Да, отче, я не забыл, – он отложил перо. – Мной овладела одна мысль, которая может тебя огорчить». – «Говори». – «Только прости, отче, давно уж это задумано мной, потому и в затвор пришел».

Он запнулся и замолчал. Не было смысла торопить его или корить за то, что не он первым начал этот разговор. Я сам виноват – довольствовался внешним подчинением, хотя знал, что этого недостаточно для духовного понуждения себя на труды послушания, надобно ещё и внутреннее, келейное смирение. Имеет ли его Стефан Храп? Это мне и предстояло сейчас выяснить: «Поделись со мной своим замыслом». Он благодарно кивнул: „Да, отче... Услышал я в детстве от матери и иных людей о Пермской земле, что в ней идолослужители и дьявольское действо царствуют. Но все люди ведь Богом сотворены и Богом почтены, а эти стали рабами Его врага. Я ещё маленьким, отче, придумывал, как бы их похитить из руки этого супостата^{XXXVI}. Только тогда не знал, как...» – «А теперь знаешь?» – «Знаю, отче. Надо идти в Пермскую землю и учить». – «Как же ты собираешься это сделать? Они должно быть не только Бога, но и языка нашего не понимают..» – «Вот! Я тоже об этом думал и долго не знал, как быть, но ты, отче, дал один список...» Я едва не застонал. Кто я после этого? Червь книжный, потрудившийся против своего ученика! «Отче, – вернул меня к действительности голос Стефана, – можно мне

продолжить?» – «Говори», – махнул я рукой так, что едва не свалился с лестницы. «Осторожнее, отче, молю тебя, – Стефан на всякий случай встал поближе, намереваясь, видимо, поймать меня, если всё же обрушусь. – Так вот, у архиерея Никифора я вычитал ответ на свой вопрос. Он пишет, что духовный пастырь, не зная русской речи, стоит среди пасомых безгласен и совершенно безмолвен». – «Постой, эту летопись я не давал тебе переписывать». – «Да, но она была вместе с другими древними списками в переплете». – «И ты вместо того, чтобы работать руками...» – «Но я же переплел, отче...» – «Ладно, оставим это на время. Вернемся к ответу Никифора. К какому заключению ты пришел на основании его слов?» – «Чтобы идти в Пермскую землю, отче, нужно постараться выучить пермский язык и создать пермскую письменность, чтобы привести неверных к Христу Богу». – «Да такое и помыслить немислимо!»

Лестница подо мной зашаталась... Ухватившись за плечо моего подопечного, я счёл необходимым спуститься на две ступеньки: «Предположим, тебе удастся стать самотворителем грамоты. Зная твою книжность, я даже не сомневаюсь, что тебе под силу изобрести невиданные буквы. Но как ты собираешься переводить на язык своих язычников Святое писание?! Так и до ереси не далеко, упаси Бог...» – «Отче, Солунских братьев^{XXXVII} упрекали в том лишь потому, что если надпись на кресте, на котором распяли Христа, была только на иудейском, эллинском и ла-

тинском, то, мол, только на этих трёх языках и подобает воздавать хвалу Богу. Но те тёмные времена канули в лету. Разве русский язык не достоин Священного писания, да и все прочие? Разве есть у Бога нелюбимые народы? «И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать»¹⁹.

Сознавая свою ничтожность и неспособность к наставничеству, я помчался вприпрыжку к игумену Максиму, хотя и знал, что буду не к стати. По окончанию службы он имел обыкновение пребывать в безмолвии, погружаясь в чтение, чтобы празднословием не погубить прибиток, собранный от псалмопения. Но я не мог медлить. Никогда доселе не испытывал я такое смущение души, как после признания Стефана Храпа. С одной стороны, открытые им помыслы свидетельствовали об их чистоте. С другой стороны, при отсечении своей воли, нужно и отсечение своих разумений, а этого в моём подопечном ни на йоту не было.

Я сбивчиво начал свой рассказ... Слушая меня, игумен суровел на глазах. И от этого было ещё больше не по себе (мы были с ним большими друзьями с юных лет, вместе подвизались в монахи, вместе принимали постриг, но уже тогда я звал его М^аксимой). «И потому вы оба пропустили службу?» Я сокрушенно развел руками. «Хорош наставник!» – только и сказал Максим, осеняя себя знамением честного и животворящего креста. Я поспешно последовал его при-

---

¹⁹ Деяния Святых Апостолов, 2:4.

меру, понимая, что предстоит келейная молитва. Мытарь-XXXVIII одним словом умоливил Бога, но иное дело многогрешный монах, «грязь и мразь», коими считал себя Максима. Его молитвенное правило в редком случае ограничивалось сотней молитв.

Боже! Милостивъ буди мне грешному!

Боже! Очисти грязи моя и помилуй мя!

Создавый мя, Господи, помилуй!

Безъ числа согрешившихъ, Господи, прости мя!

На первых десяти молитвах – по земному поклону, на следующих двадцати – по поясному, на последней сотой молитве – опять земной..

Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго!.

И снова земной поклон... Я едва не начал вновь читать Иисусову молитву, как игумен мягко остановил меня: «Довольно, Алферий, потрудимся в полунощницу. А сейчас поведай ещё раз, чем огорчил тебя твой ученик». Я уже более упорядоченно пересказал открытое мне Стефаном, ничего не утаивая и не преуменьшая своей вины. Игумен, покашливая, принялся разглаживать усы. Я стал готовиться к епитимии.

«Как яйца, согреваемые под крыльями, оживотворяются, так и помыслы, не объявленные отцу духовному, превращаются в дела», – отозвался Максим словами из «Лествицы». Я уже не ждал епитимии, а призывал её с тем же тягост-

ным нетерпением, с каким природа ждёт, когда небо разорвёт первая молния. Только она ведь метит в высокое дерево, а не в искривленный пенёк, каким я себя и выказывал. Так оно и случилось. Оставив в покое усы, игумен зажал в горсти бороду. «В качестве епитимии твоему ученику – каждый день в течение шести недель канонаршить во время литургии в храме». – «Прости, отче, только он примет это за милость Божию и будет очень доволен. Он ещё дитятей был конанархом, а затем чтецом в соборе, где отец его клириком служил. Да и ныне он приходит в церковь самым первым, а уходит самым последним». – «Тогда, – Максим размышлял, забыв о бороде, которая по-прежнему пребывала у него в кулаке, – чему учит нас Святое писание? Не полагаться на самих себя, ибо Бог открыто сердце молящихся, и Он лучше каждого из нас знает, что нам полезно. Наложил на него вот какую епитимию: сорок дён читать келейно молитву мытаря, не менее тысячи раз с земными поклонами. Это первое. Второе... Есть ли нечто, в чем он не преуспел? Научил ли ты его чтению ради понимания?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.